

Соколов В. А. Из академической жизни [Тридцатилетие службы профессоров: П. И. Горского-Платонова и Е. Е. Голубинского и пр.] // Богословский вестник 1894. Т. 1. № 2. С. 306–349 (2-я пагин.).

Изъ академической жизни.

Тридцатипятилѣтіе службы профессоръ: П. И. Горскаго-Платонова и Е. Е. Голубинскаго. — Отъѣздъ изъ Академіи бывшаго ея инспектора, архимандрита Григорія; его кончина и погребеніе. — Протоіерей П. М. Волхонскій. — Магистерскій диспутъ И. Т. Назарьевскаго.

Жизнь и смерть, радость и горе такъ близко и часто соприкасаются на нашей грѣшной землѣ, что ихъ непрерывная смѣна составляетъ для насъ неизбѣжное и совершенно обычное явленіе.

Оглядываясь теперь назадъ на истекшее полугодіе академической жизни и оставляя въ сторонѣ ея обыденныя мелкія событія, я нахожу возможнымъ остановить, прежде всего, вниманіе читателя на двухъ, болѣе или менѣе выдающихся явленіяхъ, которыя и составляютъ собою обычную противоположность жизни и смерти, радости и горя.

Весело было въ академіи 2-го октября и „многая лѣта“ гремѣло, а ноября 20-го въ ней слезы лились и раздавались печальные звуки „вѣчная память“. То торжествовала она плоды своихъ заботъ и радовалась на воспитанныхъ ею добрыхъ дѣятелей, то хоронила свои не сбывшіяся надежды.

Минувшею осенью исполнилось тридцатипятилѣтіе учебной службы профессоръ: П. И. Горскаго-Платонова и Е. Е. Голубинскаго и академическая корпорація въ семейномъ товарищескомъ кружкѣ успѣшила выразить имъ свои добрыя чувства и пожеланія. Скромное домашнее торжество поставлено было рядомъ съ годичнымъ академическимъ праздникомъ, являясь какъ бы его продолженіемъ; и не имѣя ничего общаго съ искусственно создаваемыми гремучими юбилейными торжествами, этотъ интимный празд-

никъ академіи тѣмъ болѣе доставилъ всѣмъ искренней радости, что онъ обнаружилъ предъ сознаниемъ своихъ участниковъ, какое доброе и прочное начало взаимнаго уваженія и дружбы ихъ соединяетъ.

Послѣ Божественной литургіи, ежедневно совершаемой теперь въ академической церкви, въ юбилейный день въ присутствіи профессоровъ и студентовъ о. ректоръ академіи совершилъ соборно благодарственное молебствіе, по окончаніи котораго, благословляя юбиляровъ, вручилъ имъ по просфорѣ. Затѣмъ вся академическая корпорація собралась въ ректорской квартирѣ, гдѣ къ ней присоединились ректоръ и преподаватели Виѳанской духовной семинаріи, въ которой одинъ изъ юбиляровъ получилъ свое первоначальное воспитаніе, а другой состоялъ нѣсколько лѣтъ на преподавательской службѣ. Собраніе открыто было о. ректоромъ академіи, который въ рѣчи своей живыми и мѣткими чертами охарактеризовалъ многоплодную ученую и профессорскую дѣятельность обоихъ виновниковъ торжества и сердечно привѣтствовалъ ихъ отъ лица всей академіи. При концѣ рѣчи о. ректора старѣйшій изъ присутствовавшихъ профессоровъ, Д. Ѳ. Голубинскій поднесъ юбилярамъ тѣ небольшіе подарки, которыми ихъ сослуживцы и почитатели желали сохранить навсегда память о тѣхъ чувствахъ, какія они питали и питаютъ къ его виновникамъ. Проф. Е. Е. Голубинскому поднесенъ былъ золотой докторскій знакъ, на обратной сторонѣ котораго синею эмалью сдѣлана слѣдующая надпись: „Евгенію Евсигнѣвичу Голубинскому отъ сослуживцевъ и учениковъ. 1858—1893“, а проф. П. И. Горскому-Платонову еврейская библія въ изящномъ шагреновомъ переплетѣ. На задней сторонѣ книги укрѣплена металлическая пластинка съ надписью: „Павлу Ивановичу Горскому-Платонову отъ сослуживцевъ и учениковъ. 1858—1893“.

Послѣ слѣдовавшаго затѣмъ привѣтствія отъ студентовъ академіи, всѣ присутствовавшіе перешли въ большой залъ, гдѣ былъ сервированъ обѣдинный столъ. Дружная товарищеская трапеза, какъ и слѣдовало ожидать, прошла съ большимъ оживленіемъ: задушевные рѣчи лились рѣкою, тосты и привѣтствія едва успѣвали смѣнять другъ друга. Длинный рядъ рѣчей открытъ былъ профессоромъ Н. Ѳ.

Каптеревымъ, который, обращаясь къ проф. Голубинскому, отъ лица всей академической корпораціи говорилъ:

„Глубокоуважаемый Евгеній Евсигнѣвичъ!“

„Исполнившееся тридцатипятилѣтіе Вашей профессорской службы даетъ намъ пріятный случай выразить предъ Вами наше искреннее и глубокое уваженіе къ Вашей славной ученой и профессорской дѣятельности. Излишне было бы въ настоящемъ случаѣ перечислять и оцѣнивать Ваши ученые работы—онѣ хорошо извѣстны не только намъ и всѣмъ вообще людямъ науки, но и всѣмъ тѣмъ, которые хотя сколько нибудь интересуются движеніемъ русской научной мысли за послѣднее время; оцѣнка ихъ высокихъ научныхъ качествъ уже не разъ была публично сдѣлана цѣлыми спеціально учеными учрежденіями—какова напр. Импер. Академія Наукъ. Мы, Ваши сослуживцы и ученики. въ этомъ случаѣ только присоединяемся къ авторитетному голосу тѣхъ вполне компетентныхъ и стороннихъ намъ ученыхъ судей, которые, послѣ тщательнаго изученія вашихъ трудовъ, признали ихъ выдающимися изъ ряда обыкновенныхъ ученыхъ произведеній: *по обширности, всесторонности и глубинѣ Вашихъ знаній*, основанныхъ на самомъ тщательномъ и богатомъ, по запасу научныхъ средствъ, изученіи историческихъ матеріаловъ; *по рѣдкой силѣ и проникательности Вашей ученой критики*, съ замѣчательнымъ остроуміемъ опредѣлившей дѣйствительную цѣнность и пригодность для историческихъ построеній того матеріала, которымъ доселѣ довѣрчиво пользовалось большинство Вашихъ предшественниковъ при разработкѣ событій русской церковной исторіи; *по самостоятельности Вашихъ изслѣдованій* въ самыхъ разнообразныхъ вопросахъ, на многіе изъ которыхъ Вы первый даете научный отвѣтъ; *по оригинальности во взглядахъ, мнѣніяхъ и сужденіяхъ*, приводящихъ къ самымъ цѣннымъ и плодотворнымъ результатамъ и приобрѣтеніямъ для науки; *по Вашей внимательности къ изученію не только главныхъ, второстепенныхъ и третьестепенныхъ вопросовъ*, но и всякой подробности и даже мелочи въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ, почему Ваши изслѣдованія отличаются не просто только полнотою, но и отчетливостію въ изображеніи даже деталей предмета.

Къ этимъ рѣдкимъ и высокимъ качествамъ Вашего ученаго таланта, присоединяется еще высоко-идеальное, христіански-гуманное настроеніе, сердечно заявляемое Вами при сужденіи о разныхъ сторонахъ нашей церковно-религіозной жизни. Читатель Вашихъ трудовъ встрѣчаетъ въ Васъ не холоднаго безстрастнаго историка, а человѣка всегда горячо принимающаго одну опредѣленную сторону, именно ту, которая имѣетъ за себя истину, которая стремится осуществить и по мѣрѣ силъ дѣйствительно осуществляетъ требованія высшей христіанской нравственности.

Эти признанныя и публично утвержденныя ученою компетентною критикою высокія качества Вашихъ ученыхъ изслѣдованій ставятъ Ваше имя, многоуважаемый Е. Е., въ ряду первоклассныхъ русскихъ ученыхъ дѣятелей.

Нельзя не признать и того, что Ваши ученые изслѣдованія по разнымъ вопросамъ важны не только въ томъ отношеніи, что сами по себѣ онѣ уже составляютъ въ высшей степени цѣнный и капитальный вкладъ въ русскую науку, но и по тому воздѣйствію, какое онѣ оказываютъ на дальнѣйшую разработку русской исторической науки. Новое оригинальное рѣшеніе многихъ церковно-историческихъ вопросовъ, предложенное Вами; новыя данныя, добытыя Вами, новое освѣщеніе, которое Вы даете уже для сдѣланнаго Вашими предшественниками по разработкѣ русской церковной исторіи, невольно толкаютъ русскую научную мысль на дальнѣйшія усиленныя работы и изысканія, на болѣе тщательный пересмотръ и провѣрку того, что доселѣ считалось уже вполне рѣшеннымъ дѣломъ; Ваши ученые изслѣдованія необходимо должны поэтому послужить исходной точкой, прочнымъ и вполне фундаментальнымъ базисомъ для новой, совершеннѣйшей научной разработки русской церковной исторіи; Ваше имя, многоуважаемый Е. Е.—чь, обозначаетъ новую эпоху въ русской церковно-исторической наукѣ, — предъявляющую къ научнымъ работамъ болѣе широкія и строгія требованія, нежели какія предъявлялись ранѣе.

Не менѣе славна и плодотворна, Е. Е.—чь, и Ваша тридцатипятилѣтняя профессорская дѣятельность, хотя она и касается уже болѣе тѣснаго круга лицъ—только воспитанниковъ здѣшней академіи. Тѣ рѣдкія и высокія каче-

ства, которыя присущи Вашимъ ученымъ трудамъ, въ равной мѣрѣ принадлежатъ и Вашимъ классическимъ чтеніямъ: Вы въ аудиторіи всегда знакомили своихъ слушателей—студентовъ съ тѣми научными выводами и заключеніями, которые потомъ позднѣе становились достояніемъ и всего читающаго общества. То высокое уваженіе и почтеніе, съ какими Ваши слушатели всегда относились къ Вашимъ классическимъ чтеніямъ, тотъ глубокой и горячий интересъ, который вызывали въ нихъ Ваши ученые изысканія и изслѣдованія, сообщаемыя на лекціяхъ, та любовь къ церковно-историческимъ работамъ, которая замѣтно развивается и все болѣе усиливается въ средѣ нашей учащейся молодежи,—служить и выраженіемъ и доказательствомъ Вашего сильнаго и плодотворнаго вліянія на слушателей, какъ профессора и доказательствомъ особаго вниманія слушателей къ Вашимъ чтеніямъ.

Наконецъ, нельзя не сказать и того, что образъ Е. Е—ча, живущаго только наукою и для науки, знающаго только вѣчный неустанный трудъ, отказавшагося отъ всѣхъ обычныхъ удовольствій нашей жизни, шествующаго всегда только по одной опредѣленной стезѣ: отъ дома къ Академіи, и изъ Академіи домой, что образъ этого истиннаго подвижника науки естественно способенъ плѣнять и воодушевлять къ ученой усиленной дѣятельности не только молодыхъ и потому особенно воспримчивыхъ его слушателей, но и болѣе зрѣлыхъ его сослуживцевъ, онъ и для нихъ точно также служить образцомъ истинно ученаго подвижника.

Позвольте же намъ, глубокоуважаемый Е. Е—чъ, Вашимъ сослуживцамъ и ученикамъ, выразить въ заключеніе искреннее сердечное пожеланіе, чтобы Ваша блестящая и плодотворная ученая и профессорская дѣятельность продолжалась еще на многія и многія лѣта на пользу и процвѣтаніе русской науки, на славу и честь родной нашей Академіи“.

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе проф. Голубинскій говорилъ:

„Отцы и братія!

„Приношу Вамъ искреннюю и горячую благодарность за честь, которой Вы удостоиваете меня сегоднешнимъ празднованіемъ моего юбилея.

Тридцать пять лѣтъ, хотя это и довольно еще далеко до настоящаго библейскаго юбилея, все таки время очень продолжительное, къ концу котораго иные успѣвають сдѣлать все, что предполагали сдѣлать. И я съ своей стороны мечталъ было не позднѣе тридцати пяти лѣтъ сдѣлать то, относительно чего далъ себѣ обѣтъ въ лѣта юности, именно—написать и напечатать исторію русской церкви до учрежденія Св. Синода. Но, увы! мечтамъ моимъ далеко не суждено было осуществиться: написать исторію я почти написалъ, но напечатать я въ состояніи былъ только наименьшую ея часть. Остается мнѣ утѣшать себя тѣмъ, что полная удача составляетъ счастливый жребій немногихъ, — что большинству людей не приходится видѣть исполненія своихъ помысленій и замысленій, напротивъ подъ старость приходится съ горечью повторять за Пушкинымъ: „мечты, мечты, гдѣ вапа сладость и вѣчная къ ней риема младость“. А смотря на дѣло съ высшей, нравственной, точки зрѣнія, которая, конечно, и есть настоящая точка зрѣнія, я утѣшаю себя тѣмъ, что всѣ мы со всякой нашей дѣятельностью, сколько бы ни малой, находимся во власти Божіей: не удалось мнѣ, какъ и кому бы то ни было, исполнить моихъ обѣтныхъ мечтаній, значить — была на то воля Божія, такъ было угодно Богу.

Трудившись съ полнымъ усердіемъ, насколько не мѣшали мнѣ болѣзни и насколько въ позднѣйшее время не мѣшало мнѣ нравственно-угнетенное настроеніе, работавъ съ тою *чистою совѣстію*, о которой говоритъ апостоль (2 Тим. 1, 3), разумѣю—честнымъ образомъ, съ честными видами и намѣреніями, я желалъ бы, чтобы немного, что удалось мнѣ сдѣлать, имѣло нѣкоторое значеніе. Если же нѣтъ, то рѣзка забвенія велика и въ ней достаточно мѣста про всѣхъ, слѣдовательно—и про меня.

Принадлежа къ числу такъ сказать полуудачниковъ, я усердно желаю быть полными удачниками моимъ младшимъ меня товарищамъ. Равнымъ образомъ, усердно желаю я, чтобы у насъ въ Академіи, само собою подразумѣвается—дорогой всѣмъ намъ академіи, не смотря на удачи и неудачи, всегда, какъ прежде и теперь, процвѣталъ серьезный, а разумѣется—и честный, научный трудъ.

Вы привѣтствовали меня весьма лестнымъ для меня обра-

зомъ. За весьма лестныя привѣтствія я приношу Вамъ мою сердечную благодарность. Но у меня есть оговорка. Юбилейныя рѣчи не имѣютъ назначенія служить историческимъ матеріаломъ объ юбилеяхъ, ибо строгая исторія и юбилей—понятія, если и не совсѣмъ противоположныя, то очень далекия одно отъ другаго. И въ привѣтствіяхъ, сказанныхъ мнѣ, я не признаю дѣйствительнаго самаго себя, а развѣ лишь то мечтаніе воображенія, которое я, можетъ быть, и желалъ бы осуществить, но осуществленіе котораго было выше моихъ силъ. Не усвоивъ привѣтствіямъ историческаго достоинства, я позволяю себѣ думать и быть увѣреннымъ, что онѣ условливаются весьма добрыми ко мнѣ чувствами, а эти чувства и цѣню я высоко.

Повторяю мою искреннюю и горячую благодарность за честь, которой я удостоенъ, и пью за моихъ дорогихъ академическихъ товарищей и за достопочтенную Виенскую братію, къ которой я также принадлежу по моей первоначальной службѣ“.

Затѣмъ проф. И. Н. Корсунскій обратился къ другому юбиляру, проф. Горскому-Платонову, и отъ лица всей академической корпораціи привѣтствовалъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Многоуважаемый Павелъ Ивановичъ!

Имѣю и порученіе отъ академической братіи и собственное искреннее желаніе привѣтствовать Васъ съ совершившимся 35-лѣтіемъ Вашего служенія при Академіи. Не легко пройти столь долгій путь служенія вообще и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; еще труднѣе пройти его при тѣхъ условіяхъ, и внѣшнихъ и внутреннихъ, какими обставлена академическая жизнь и служба наша и какими обставлена была она, и въ частности ваша, въ продолженіе истекшихъ 35-ти лѣтъ, особенно, если нашъ братъ обзаведется семьею, да еще не маленькою. При всемъ томъ Вы съ честію совершили это 35 лѣтнее поприще. Одинъ изъ наилучшихъ воспитанниковъ своего, давшаго многихъ весьма видныхъ дѣятелей, курса, Вы съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего служенія ознаменовали себя сколько талантливостію, столько же и настойчивостію въ трудѣ, отличаясь этимъ постоянно и въ дальнѣйшіе годы Вашей многообразной дѣятельности. Ваши учено-литературные труды, изъ

которыхъ наиболѣе капитальными являются, съ одной стороны, изслѣдованіе по исторіи тридентскаго собора, а съ другой—изслѣдованія въ области предмета Вашей специальности (разумѣю статьи по Библ. археологіи въ *Душен. Чит.* и разнообразныя труды, относящіяся къ бібліологіи и переводу Библии на русскій языкъ), обнаружившіе на себѣ эти качества, равно какъ и тонкій критицизмъ Вашъ, Ваши многіе, хотя быть можетъ и неизвѣстные многимъ виѣ Академіи, труды по переводу св. Писанія и Твореній св. Отцевъ на русскій языкъ, Ваши труды по редактированію *Твореній св. Отцевъ съ прибавленіями и Богословскаго Вѣстника*, Ваше превосходное преподаваніе своего предмета, о чемъ я смѣло могу засвидѣтельствовать какъ одинъ изъ многихъ слушателей Вашихъ, и т. д.,—все это служить яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ мною сказаннаго. И въ дѣйствованіи Вашемъ по городскому управленію въ годы бытности Вашей градскимъ головою Сергіева Посада Вы стояли вполнѣ на высотѣ достоинствъ Вашихъ, обнаруживъ при этомъ и неутомимую дѣятельность, и способность быть хорошимъ администраторомъ и умѣнье управлять многочисленными и разно-составными думскими собраніями и другія высокія качества. Въ виду всего этого позвольте выразить Вамъ искреннее пожеланіе здравствовать и послужить съ нами еще многія, многія лѣта.

Въ отвѣтной рѣчи своей на это привѣтствіе проф. Горскій-Платоновъ горячо благодарилъ за оказанную ему честь.—Кромѣ приведенныхъ нами рѣчей, произнесенныхъ отъ имени всей академической корпораціи, многія изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ лицъ обращались также къ уважаемымъ виновникамъ торжества съ своими привѣтствіями, а именно: ректоръ Виѣанской духовной семинаріи арх. Антоній, почетный членъ Московской академіи графъ М. В. Толстой, профессора академіи: Д. Ѳ. Голубинскій, В. А. Соколовъ, Н. А. Заозерскій и А. И. Введенскій и преподаватель Виѣанской семинаріи Н. И. Виноградовъ.

Въ академической семьѣ, дружно собравшейся на товарищескій праздникъ, всѣми было замѣчено и чувствовалось отсутствіе одного изъ наиболѣе уважаемыхъ ея сочленовъ,—профессора В. О. Ключевскаго. На текущій учебный годъ проф. Ключевскій покинулъ и академію и универси-

теть, по Высочайшей волѣ удостоенный приглашенія прочитывать курсъ лекцій Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Георгію Александровичу. Въ сложныхъ и спѣшныхъ приготовленіяхъ къ поѣздкѣ на Кавказъ въ мѣсто-пробываніе Его Высочества проф. Ключевскій не имѣлъ возможности принять личное участіе въ академическомъ праздникѣ, но всегда близкій душою къ академіи, къ ея тревогамъ и радостямъ, пожелалъ хотя письменно выразить свои чувства. Присланное имъ и прочитанное на обѣдѣ проф. В. А. Соколовымъ письмо написано было въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„Досточтимый Евгеній Евсигнѣевичъ“!

„Пользуюсь исполненнымъ въ текущемъ году тридцатипятилѣтіемъ Вашей академической службы, чтобы выразить Вамъ чувства, возбуждаемая ученой Вашей дѣятельностію. Много лѣтъ слѣди за Вашими трудами по исторіи русской Церкви, я привыкъ уважать Вашу любовь къ историческимъ изысканіямъ и Вашу строгій взглядъ на обязанности ученаго, привыкъ цѣнить Ваши познанія и приемы изученія даже тогда, когда въ раздумьи останавливался предъ Вашими выводами. Примите сердечное привѣтствіе отъ ближайшаго сосѣда Вашего по ученой специальности, который многому у Васъ научился и отъ всей души желаетъ Вамъ довести до конца обширный церковно историческій трудъ, Вами начатый.

Прошу принять увѣреніе въ моемъ истинномъ почтеніи и совершенной преданности“.

„Василій Ключевскій“.

По окончаніи обѣда его участники еще долго оставались за чашкою чая въ гостепріимной квартирѣ о. ректора, сомкнувшись въ тѣсный товарищескій кружокъ и продолжая дѣлиться воспоминаніями и надеждами, связанными съ предметомъ скромнаго торжества.

Такъ отпировали мы свой задушевный академическій праздникъ, вынося изъ него самыя отрадныя впечатлѣнія. Пріятно было слышать о тѣхъ высокихъ ученыхъ и профессорскихъ заслугахъ, которыя встрѣчали себѣ столь единодушное признаніе и почтительную оцѣнку. Пріятно было видѣть нашихъ академическихъ столповъ полными силъ и энергіи, общающимися въ будущемъ еще долгую и столь же много-

плодную дѣятельность. Отраднo было присутствовать на дружной трапезѣ, еще разъ громко свидѣтельствовавшей о той крѣпкой товарищеской связи, которая, вопреки всѣмъ случайнымъ тревогамъ, неизмѣнно скрѣпляетъ и объединяетъ нашу академическую семью.

Прошло полтора мѣсяца и мирное теченіе обычной академической жизни глубоко возмущено было другимъ выдающимся событіемъ, тяжело отозвавшимся въ душѣ каждаго, кто былъ его свидѣтелемъ. Неожиданно скончался одинъ изъ самыхъ юныхъ питомцевъ и дѣятелей Московкой академіи, архимандритъ Григорій, только полтора года успѣвшій послужить своей родной академіи въ должности ея инспектора. Съ самаго начала академической службы о. Григорію приходилось уже, не смотря на его юные годы, вести постоянную и упорную борьбу съ тяжелымъ недугомъ (болѣзнь почекъ), который неуклонно велъ его къ роковому концу. По совѣту врачей, лѣто 1892-го года о. Григорій провелъ въ Крыму, а 1893-го года—на Кавказѣ; но эти поѣздки не въ силахъ были возстановить его здоровье. Только что возвратившись въ Августѣ мѣсяцѣ съ Кавказа, онъ уже почти тотчасъ-же долженъ былъ спѣшить опять въ Крымъ, гдѣ и пробылъ до начала Октября. Болѣзнь его принимала все болѣе и болѣе угрожающій характеръ, обнаружилась постоянныя и сильныя проявленія водянки, такъ что приближающаяся роковая развязка казалась для окружающихъ лишь вопросомъ времени. Не теряя вполнѣ надежды на возможность выздоровленія, о. Григорій и самъ наконецъ пришелъ къ убѣжденію, что академическая служба съ ея многосложными трудами по профессорской кафедрѣ и должности инспектора при существующихъ условіяхъ для него невозможна. По совѣту и при содѣйствіи расположенныхъ къ нему лицъ, онъ сталъ просить о переводѣ его на болѣе спокойную должность куда-либо на югъ и въ началѣ Октября получилъ назначеніе въ настоятели Константинопольской посольской церкви. Мысль о необходимости разлуки съ родною академіей производила на о. Григорія удручающее впечатлѣніе. Какъ ни крѣпился онъ духомъ, какъ ни старался ободрить себя и успокоить, эта мысль тяжелымъ гнетомъ постоянно лежала у него на душѣ и невольно вырывалась наружу при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ по-

слѣднихъ письмахъ своихъ изъ Крыма къ о. ректору академіи онъ очень часто съ тоскою возвращается къ этой мысли. „Грустно сталовится“, пишетъ онъ напр. „какъ подумаешь, что съ академіей разстанешься. ., Увы! Очень горько“. „Настроеніе мое теперь очень плохое. У меня состояніе духа такое, что будто я совершилъ какое-либо ужасное преступленіе, за которое не будетъ никогда никакого помилованія. Преступленіе это—мое удаленіе изъ дорогой академіи. Мнѣ такъ и кажется, что всякій встрѣчный человѣкъ презираетъ меня“.... „Мнѣ какъ-то ужасно совѣстно предъ Вами: ожидали Вы во мнѣ видѣть помощника себѣ— и вдругъ я такъ постыдно бѣжалъ! Мнѣ очень много грусти вселяетъ эта мысль“... „Ахъ, какъ тяжело уходитъ отъ живаго дѣла, отъ людей и обращаться въ какого-то ничегонедѣлателя! Для меня убійственно тяжело сознаніе, что я теперь уже не сопастырь Вамъ въ Вашемъ великомъ пастырскомъ собраніи. Вы будете всѣ трудиться надъ живымъ дѣломъ. А я? Вижу въ этомъ указаніе и наказаніе Божіе“... „Какъ мнѣ жаль академію“!....

Жаль было разставаться съ о. Григоріемъ и академіи, которая видѣла и уже успѣла оцѣнить и прекрасныя его личныя качества и любовь его къ академіи и самоотверженную его служебную дѣятельность.

Тѣ послѣдніе дни, которые, возвратившись изъ Крыма и приготовляясь къ своему дальнему пути, провелъ еще разъ о. Григорій „въ миломъ академическомъ уголкѣ“, ознаменовались цѣлымъ рядомъ прощаній, гдѣ всѣ, успѣвшіе полюбить его, спѣшили выразить ему свои признательныя чувства.—Во вторникъ, 26 октября, послѣ обычной вечерней молитвы въ академической церкви, пожелали торжественно проститься съ своимъ бывшимъ инспекторомъ студенты всѣхъ курсовъ академіи. Отъ лица товарищей, студентъ IV курса С. Кулюкинъ сказалъ о. Григорію слѣдующее прощальное привѣтствіе:

Многоуважаемый, дорогой
о. Инспекторъ!

Съ искреннимъ сожалѣніемъ и грустью встрѣчена нами скорбная вѣсть о томъ, что Вы покидаете нашу Академію,— съ грустью потому во-первыхъ, что въ лицѣ Васъ мы принимаемъ дорогого любимаго инспектора и потому во-вторыхъ,

что покинуть такъ любимую Вами академію заставляетъ Васъ тяжелая болѣзнь, явившаяся отчасти, послѣдствіемъ тѣхъ заботъ и трудовъ, какіе Вы несли на себѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ добрыя, сердечныя и искреннія отношенія, какія всегда существовали между нами, не могли не обнаружиться въ чемъ-либо внѣшнемъ, — и вотъ студенты рѣшили поднести Вамъ, дорогой о. инспекторъ, наперсный крестъ.

На этомъ крестѣ, который мы просимъ принять отъ насъ, начертаны слова: „*Мы имѣемъ великую радость и утѣшеніе въ любви твоей, потому что тобою, братъ, успокоены сердца*“ (Филимон. 7). Эти слова вѣрно и хорошо говорятъ о характерѣ тѣхъ отношеній, какія Вы установили, вступивъ на должность инспектора. Да, наши сердца были успокоены и обрадованы, когда почувствовали они ту силу нѣжной, прощающей любви, какою исполнено было Ваше сердце! Ваше любящее сердце не знало и не могло знать того дѣленія, по которому одни ученики отводятся одесную, а другіе—ошуюю. Вы ко всѣмъ намъ относились съ равной заботливостью и вниманіемъ, будучи всегда готовы придти на братскую помощь нуждающемуся въ нравственной или матеріальной поддержкѣ. Кто изъ насъ былъ обойденъ Вашимъ вниманіемъ и сочувствіемъ?! Кому изъ обращавшихся къ Вамъ Вы не отозвались своимъ любящимъ сердцемъ? И вотъ теперь, прощаясь съ нами, подобно древнему Моисею въ дивно-возвышенной рѣчи прощавшемуся съ своимъ народомъ, Вы съ спокойной совѣстію можете сказать намъ: выйди впередъ тотъ, кого бы я намѣренно и злобно обидѣлъ? Къ кому изъ васъ я былъ сознательно несправедливъ? И вѣрьте, дорогой о. инспекторъ, въ сердцахъ cadaго изъ насъ нѣтъ другого чувства къ Вамъ, какъ чувства признательности и благодарности. И эти чувства къ Вамъ съ теченіемъ времени будутъ дѣлаться все глубже и сознательнѣе. По мѣрѣ того, какъ суровая дѣйствительность будетъ чаще и чаще напоминать намъ о томъ глубокомъ несоотвѣтствіи, которое лежитъ между нею и предносимымъ каждымъ изъ насъ идеаломъ, по мѣрѣ того, какъ наши юношескіе порывы къ добру и правдѣ начнутъ охладѣвать подъ ударами неправды и зла, — мы будемъ чаще и чаще благодарной памятью возвращаться

къ Вамъ, подъявшему и неуклонно несущему на себѣ подвигъ любви, смиренія и прощенія. Да, еще много разъ въ жизни своей мы вспоминемъ Васъ!

Тяжелъ тотъ путь любви и прощенія, на какой вступили Вы, ибо, требуя отъ человѣка неустанной бдительности и работы надъ собою, онъ не сразу и не всегда находитъ признаніе и пониманіе со стороны людей, а это несетъ чуткому сердцу много скорби и горя. Быть можетъ, и мы, дорогой о. инспекторъ, повинны предъ вами и создавали Вамъ иногда именно эти минуты тяжелой скорби. Быть можетъ, мы не всегда были отзывчивы и понимающіе... Тогда простите насъ! И пусть же хоть теперь найдетъ Ваше сердце утѣшеніе и отраду въ этомъ торжественномъ, открытомъ предъ лицомъ всѣхъ студентовъ признаніи: мы цѣнимъ и любимъ Васъ, дорогой о. инспекторъ! И пусть сохранится въ памяти Вашей эта картина: и этотъ храмъ, и этотъ чудный полумракъ въ немъ и тихій свѣтъ зажженныхъ лампадъ и мы, признательные Вамъ студенты, подносящіе Вамъ крестъ этотъ въ знакъ благодарной памяти и любви“.

При этомъ поднесенъ былъ о. Григорію массивный золотой наперсный крестъ съ синими эмалевыми украшеніями. На обратной сторонѣ креста вырѣзанъ текстъ изъ посланія св. Ап. Павла къ Филимону: „мы имѣемъ великую радость и утѣшеніе въ любви твоей; потому что тобою, братъ, успокоены сердца“ (ст. 7) и затѣмъ слѣдующая надпись: „благодарные студенты Московской духовной академіи своему дорогому инспектору, о. архимандриту Григорію. 1893 г. октября 26-го“. Принявъ и возложивъ на себя поднесенный ему крестъ, о. Григорій обратился къ студентамъ съ слѣдующею рѣчью:

„Этотъ священный даръ Вашей любви ко мнѣ недостойному и это слово Ваше наполнило мою душу двоякими чувствами. Мое сердце невыразимо тяжело сжималось печалію о разлукѣ съ Вашей прекрасной юной семьей, гдѣ я жилъ, какъ въ раю; и вотъ это знаменіе побѣды, эта любовь Ваша побѣдила во мнѣ мою скорбь, и мое сердце преисполнилось радости. Но вмѣстѣ съ радостію вселился въ немъ и страхъ при видѣ этого креста. Я устрашаюсь за себя. Такаго высокаго чувства любви Вашей я не до-

стоинь, ничѣмъ ея не заслужилъ. И Вашъ крестъ и слово крестное, гдѣ было такъ много похвалъ мнѣ, стоять предо мною, какъ грозные обличители. Мнѣ чудится, что я слышу съ этого креста слова укоренія: „вотъ ты какимъ долженъ бы быть, но не такимъ, какимъ ты былъ“.

„Простите, дорогіе, если я буду въ эти священные минуты моей жизни не краснорѣчивъ. Но я буду искренень. Вы знаете, друзья, какая причина заставила меня покинуть этотъ родной райскій уголокъ и промѣнять его на одинокое почти затворничество гдѣ-то тамъ, среди иновѣрцевъ. Недугъ тѣлесный разлучаетъ меня съ Вами. И кто знаетъ: исцѣленіе или смерть ждетъ меня тамъ. Быть можетъ, я долженъ теперь Вамъ сказать то-же, что говорилъ св. Ап. Павелъ ефесскимъ пресвитерамъ: „вотъ нынѣ иду я, не зная, что тамъ встрѣтится со мною“, быть можетъ, „уже не увидите лица моего всѣ вы, между которыми ходилъ я“ (Дѣян. XX, 22. 25). Посему я буду говорить съ Вами, какъ бы въ предсмертный прощальный часъ. Какое тутъ краснорѣчіе? Раскрою Вамъ, какъ съумѣю, свою душу.

Когда будущій историкъ этой духовной школы дойдетъ въ своемъ лѣтописаніи до нашихъ дней и остановится на моемъ имени, то я увѣренъ, что кромѣ этого имени, онъ ничего не занесетъ въ свою лѣтопись. Со мной не свяжется никакой дѣятельности для Академіи. Время моего служенія и такъ было очень кратко, но недуги тѣлесные еще болѣе сокращали его, такъ что я больше мечталъ только что либо сдѣлать для Васъ, но не дѣлалъ. Мнѣ хотѣлось бы слиться духовно съ каждымъ изъ Васъ, ко всякому приходилъ на помощь и поддерживать въ несеніи его бремени; мнѣ хотѣлось быть всѣмъ вся во всякое время; но увы! я припоминаю только то, какъ очень часто либо въ церкви, за общимъ богослуженіемъ, либо въ домашней бесѣдѣ я назидался Вашимъ юношескимъ святымъ идеализмомъ. Нѣтъ, дорогіе, я поистинѣ ничѣмъ не могу хвалиться, кромѣ немощей своихъ, если только они — могутъ быть предметомъ похвалы. Итакъ, отведенная мнѣ въ академической лѣтописи страничка останется пустою.

Но, братья мои и друзья, когда я предъ своимъ жизненнымъ закатомъ возьму въ руки хартію съ лѣтописью своей собственной жизни, то тѣ страницы ея, которыя исписаны

въ эти полтора года моей инспекторской жизни въ академіи, будутъ самыми содержательными и радостными. Эти немногіе мѣсяцы—красная заря въ моей жизни, о которой я буду съ великимъ утѣшеніемъ вспоминать всегда. За это время я приобрѣлъ столько стяжаній духовныхъ, что изъ бѣдняка сдѣлался богачемъ. И эти стяжанія даны мнѣ, друзья мои, Вами. — Первое стяжаніе мое — это чувство нѣжной любви. Эту академію я успѣлъ полюбить еще раньше, чѣмъ мнѣ пришлось вступить подъ ея священный кровъ. Она была моею самой завѣтной сладостной мечтой въ юные семинарскіе годы. Въ годы студенчества эта любовь возгорѣлась яркимъ пламенемъ. Но та любовь была подобна той, какую морякъ имѣетъ къ старинному маяку на морѣ, или историкъ къ своему архиву. Та любовь была любовью безличной, холодной; органомъ любви былъ больше разумъ, чѣмъ сердце. Я любилъ тотъ свѣточъ, который свѣтилъ ученымъ свѣтомъ; я лобызалъ тѣни усопшихъ труженниковъ здѣшнихъ; я перечитывалъ преданія старины. Но иною стала моя любовь, когда я сталъ лицомъ къ лицу съ этой вотъ Вашей юной семьей. Тутъ родилась въ моемъ сердцѣ самая горячая нѣжная любовь къ лицамъ, къ воспитанникамъ этихъ стѣнъ. Эта любовь, скажу, по истинѣ, была моею жизнью. Быть можетъ я любилъ даже больше, чѣмъ нужно: часто я по этой любви воздерживался отъ замѣчаній, надѣясь на то, что время само исправитъ все что нужно. Но въ этомъ не раскаиваюсь и теперь. Слова литургійной молитвы: „и даждь имъ преспѣяніе житія и вѣры и разума духовнаго“ были самыми любимыми моими молитвенными словами. Моя любовь часто желала, чтобы всѣ Вы были святыми. — Второе мое стяжаніе отъ Васъ—это твердая вѣра въ людей, въ добро людское. Мою любовь къ Вамъ нельзя ставить мнѣ въ особую заслугу. Кто не любитъ солнца, свѣта и тепла? Такъ не возможно не любить и Васъ. Въ Вашихъ душахъ очень много добраго. Я близко зналъ Васъ, присматривался и къ мелочамъ Вашей жизни. И вездѣ всегда я видѣлъ одно добро. Вотъ предо мною скорбная картина смерти: академическая семья лишается студента. И осиротѣвшіе товарищи густой толпой у гроба: сколько тутъ чистой скорби, любви и молитвъ. Въ такихъ случаяхъ мое воображеніе обычно невольно

какъ-то переносилось въ первыя времена христіанства, и сравнивало наши похороны съ похоровами мучениковъ, когда ихъ гробы тѣсно обступались въ катакомбахъ вѣрующими. Вотъ служба церковная, молитва. Сколько твердой вѣры и чистой любви въ этомъ мощномъ молитвенномъ пѣніи! А какъ Вы благопоспѣшливы на помощь ближнему. Я знаю тайныхъ благотворителей, помогающихъ даже не академическимъ бѣднякамъ. А эти дружныя сообщества курсовъ и номеровъ! Да, нѣтъ; мнѣ не перечислить всего. Помню, о. Ректоръ какъ то говорилъ при концѣ учебнаго года о томъ: обитаетъ ли и будетъ ли обитать Духъ Божій въ этой нашей ученой обители? Онъ обитаетъ здѣсь; Его вѣяніе — въ перечисленныхъ добрыхъ дѣлахъ Вашихъ; есть среди Васъ высокіе избранники Божіи. Дай Богъ, чтобы и впредь умножалась эта благодать въ Вашей средѣ! Я никогда не встрѣчалъ среди Васъ упорнаго, закоренѣлаго во злѣ сердца. Достаточно бывало самаго легкаго прикосновенія любви — и суровый видъ обидѣвшагося озарялся улыбкой и любовью. Если же этого сразу не было, то причина крылась либо въ застѣнчивости, либо въ природномъ суровомъ обликѣ. Нѣтъ, я вѣрю теперь глубоко въ доброту человеческую. А этой вѣрѣ научили меня Вы; а съ этой вѣрой можно жить, можно любить. — Эта вѣра родила во мнѣ твердую надежду. То что не сдѣлалъ я, то сдѣлаете Вы. Я надѣюсь, что теперь на мѣстѣ прежнихъ формалистовъ пастырей и учителей явится новое Ваше поколѣніе, которое внесетъ въ свою пастырскую дѣятельность новыя начала любви и самоотверженія. — Вотъ, друзья, чѣмъ уже я награжденъ Вами. Но Вы явили новый знакъ своей любви ко мнѣ, на который я не смѣлъ и рассчитывать. Не знаю, какъ благодарить за него. Повѣрьте, что подъ этимъ крестомъ я понесу въ своей груди самую горячую любовь и память о Васъ въ далекой Царьградѣ и буду оттуда любить Васъ какъ и прежде“ ¹⁾). Въ заключеніи своей рѣчи о. Григорій просилъ студентовъ молиться за него, общалъ въ свою очередь молитвенно поминать ихъ всѣхъ и принимать живѣйшее участіе во всѣхъ интересахъ академической жизни;

¹⁾ Доселѣ рѣчь изложена по рукописи, найденной въ бумагахъ покойнаго; но въ рукописи этой рѣчь не окончена.

увѣщевалъ хранить взаимную братскую любовь и просилъ прощенія, если кого чѣмъ огорчилъ или обидѣлъ; наконецъ звалъ къ себѣ въ гости въ Константинополь, если у кого либо будетъ возможность и свободное время. — Во время рѣчи царя торжественная тишина; студенты сбившіеся въ тѣсное кольцо вокругъ о. Григорія, слушали его задушевную рѣчь, притаивъ дыханіе и подавляя вздохи состраданія и скорби о предстоявшей разлукѣ; многіе предчувствовали, что она будетъ послѣднею въ этой земной жизни.

Въ воскресенье 31-го октября, начавшаяся въ три часа пополудни обычная вѣбогослужбная бесѣда въ академической церкви отличалась особеннымъ многолюдствомъ, — то собрались посадкіе жители проститься съ однимъ изъ своихъ ревностныхъ наставниковъ — бесѣдователей, о. Григоріемъ, который былъ, кромѣ того, учредителемъ и руководителемъ общаго народнаго пѣнія на этихъ молитвенныхъ собраніяхъ. По окончаніи бесѣды, произнесенной о. ректоромъ академіи, на средину церкви вышелъ о. Григорій съ соборомъ академическаго духовенства для совершенія молебствія Преп. Сергію. Въ это время выступилъ впередъ студентъ — священникъ о. Симеонъ Никольскій и, обращаясь къ о. Григорію, говорилъ:

„Ваше Высокопреподобіе!“

„Этотъ народъ православный, такъ любящій наши бесѣды и наши молитвы, собрался теперь въ такомъ необыкновенномъ множествѣ за тѣмъ, чтобы сказать Вамъ свое прощальное слово. Эти люди открыли мнѣ свою душу и я буду говорить отъ лица народа“... Въ дальнѣйшей рѣчи своей о. Симеонъ въ прочувствованныхъ выраженіяхъ благодарилъ о. Григорія отъ лица народа за понесенные имъ на бесѣдахъ труды и просилъ принять, „какъ залогъ любви“, святую икону Преп. Сергія. На обратной сторонѣ этой иконы укрѣплена серебряная вызолоченная доска съ надписью: „Отцу архимандриту Григорію, учредителю общаго народнаго пѣнія въ Покровскомъ храмѣ Московской духовной академіи, отъ признательныхъ гражданъ Сергіевскаго посада. 31 октября 1893 года“. — Принявъ и облобызавъ св. икону, о. Григорій горячо благодарилъ народъ за его любовь къ нему и затѣмъ предъ этою, положенною на ана-

лоѣ, иконой совершенно было молебствіе при общемъ пѣніи всего присутствовавшего народа.

Наконецъ, въ слѣдующій воскресный день, 7-го ноября, пожелали проститься съ о. Григоріемъ сослужители его по академической церкви, т. е. всѣ студенты и вольнослушатели, облеченные священнымъ саномъ. Предъ началомъ Божественной литургіи, которую въ этотъ день долженъ былъ соборно совершать о. Григорій, студентъ — священникъ о. Сергій Богоявленскій обратился къ нему отъ лица всѣхъ, собравшихся здѣсь священно-служителей съ прощальнымъ привѣтствіемъ, при чемъ ему поднесенъ былъ служебникъ въ голубомъ бархатномъ переплетѣ съ серебряными украшениями. На передней серебряной доскѣ книги вычеканена икона Покрова Пресвятыя Богородицы, а на задней сторонѣ прикрѣплена небольшая серебряная-же пластинка съ надписью: „Отцу архимандриту Григорію отъ сослужителей академической церкви. 1893 года, ноября 7-го“.

По этому служебнику 14-го ноября о. Григорій въ послѣдній разъ совершилъ литургію въ академической церкви и 17-го числа выѣхалъ изъ посада. Хотя онъ держалъ себя бодро и весело бесѣдовалъ на вокзалѣ со студентами, провожавшими его in cogroge, но состояніе его здоровья въ это время внушало уже настолько серьезныя опасенія, что онъ самъ располагалъ пробыть въ Москвѣ не менѣе недѣли, чтобы, прежде своего далекаго пути, записаться впредь совѣтами и указаніями лучшихъ московскихъ врачей. Остановившись въ Москвѣ на Тверской улицѣ въ гостинницѣ Флоренція, о. Григорій провелъ вечеръ этого дня въ обществѣ сопровождавшего его помощника инспектора академіи, П. Ѳ. Полянского, и студента — іеромонаха о. Трифона, при чемъ ни виѣшній видъ его, ни настроеніе его духа, не давали никакихъ особенныхъ основаній предполагать крайнюю опасность его положенія. На слѣдующій день, 18-го числа, около 8-ми часовъ утра, о. Григорій почувствовалъ себя очень дурно и въ половинѣ девятаго съ нимъ сдѣлался сильный эпилептическій припадокъ съ судорогами и потерю сознанія. Такого рода припадки до двѣнадцати разъ повторялись затѣмъ у него все съ болѣею и болѣею силой. Тотчасъ-же приглашены были врачи съ А. А. Остроумовымъ во главѣ, но всѣ припримавшіяся ими мѣры не

могли уже оказать никакой помощи. Положеніе больного было признано безнадежнымъ. Въ одинъ изъ періодовъ пробужденія сознанія о. Григорія приобщили святыхъ Христовыхъ Таинъ, а въ половинѣ шестаго часа пополудни его уже не стало.—Въ десять часовъ вечера, по облаченіи покойнаго въ иноческія одежды, совершена была о. ректоромъ Московской духовной семинаріи архимандритомъ Климентомъ соборне первая панихида, къ концу которой прибылъ изъ посада вызванный телеграммою и о. ректоръ академіи. Нѣсколько іеромонаховъ и іеродіаконовъ, назначенныхъ отъ разныхъ московскихъ монастырей, всю ночь и слѣдующій день читали при гробѣ почившаго св. Евангеліе. Утромъ 19-го числа, по положеніи тѣла о. Григорія во гробъ, около десяти часовъ, совершена была торжественная панихида ректоромъ академіи, арх. Антоніемъ и ректоромъ Моск. семинаріи, арх. Климентомъ въ сослуженіи двѣнадцати іеромонаховъ и московскихъ священниковъ, знакомыхъ почившаго, при пѣніи большаго семинарскаго хора. По окончаніи этой панихиды совершенъ былъ выносъ тѣла въ ближайшую приходскую церковь св. Великомученика Георгія, что на Моховой, гдѣ о. ректоромъ академіи произнесена была первая надгробная рѣчь. ¹⁾ Онъ говорилъ о самоотверженномъ служеніи о. Григорія своему долгу, ради котораго онъ разрушалъ свое здоровье, не давая себѣ никакой ослабы въ трудахъ по церкви, по инспекціи и по хозяйству академіи. Это усердіе имѣло особенно разрушительное вліяніе на тѣлесную жизнь почившаго по причинѣ его чуткой воспримчивости и сострадательности, въ силу которой онъ, напр., переживалъ, какъ будто на себѣ, страданія тяжело заболѣвавшихъ студентовъ и особенно тѣ ужасныя ночи предсмертной агоніи четырехъ умершихъ въ прошлую зиму юношей, отъ коихъ онъ не отходилъ до тѣхъ поръ, пока смерть не прекращала ихъ дыханія. Служа страждущимъ, отецъ Григорій забывалъ о собственной тѣлесной слабости и только по окончаніи наиболѣе трудовыхъ періодовъ своей многосторонней службы, падалъ на одръ болѣзни и по нѣ-

---

¹⁾ Кромѣ этой рѣчи о. ректоръ говорилъ еще на торжественной панихидѣ 21-го числа и на вечерней молитвѣ студентовъ. Въ приведенномъ изложеніи совмѣщено приблизительно все, что говорилось имъ въ этихъ рѣчахъ.

скольку дней изнемогалъ отъ страданій въ жару и бессонницѣ. При всемъ томъ онъ не только подавлялъ въ сердцѣ своемъ всякія претерпѣваемыя непріятности, никому не говоря о тяжелыхъ чувствахъ, иногда томившихъ его душу, но былъ самаго скромнаго мнѣнія о себѣ и безропотно послушливъ. Этотъ-то тяжелый крестъ жизни, лишенной того внѣшняго блеска и разительности, которые иногда придаютъ бодрость страдальцамъ, эта незамѣтно курившаяся чистая жертва самоотверженія, должна быть особенно назидательна для насъ и угодна Богу еще потому, что сила къ ней почерпалась изъ покорности волѣ Божіей и вѣжной одушевленной любви къ ближнимъ, особенно-же къ своимъ питомцамъ и къ Академіи. Чуждый ученой гордости и пренебреженія къ меньшей братіи, усоншій посвящалъ и посадскимъ простолоудинамъ къ ихъ духовной пользѣ остатки не силъ своихъ, которыхъ ему не хватало и для академическихъ дѣлъ, но своей ревности о славѣ Божіей: онъ училъ ихъ дѣломъ—воспѣвать молитвы, и словомъ—вести христіанскую жизнь. Благодать Божія, собирающая многочисленныя толпы народа на молитву объ упокоеніи его чистой души, облегчить ей и путь къ царству небесному согласно духовному смыслу того видѣнія, котораго Господь сподобилъ святителя Тихона. Сей угодникъ Божій видѣлъ себя съ трудомъ восходящимъ къ небу по крутой лѣстницѣ и изнемогавшимъ отъ чрезмѣрныхъ усилій; но вотъ мало по малу сходитъ къ нему отовсюду народъ разныхъ возрастовъ и званій и начинаетъ усердно подсаживать его выше и выше; восхожденіе его облегчается и наконецъ становится совершенно неупорядочимымъ. Сія споспѣшествующая молитва духовно-благодѣтельствованнаго народа да усовершитъ земные подвиги почившаго и исходатайствуетъ ему прощеніе грѣховъ. Мы же живущіи и оставшіися да исполнимся его любовію и самоотверженіемъ во исполненіе словъ Христовыхъ: *„Аминь, аминь глаголю вамъ, аще зерно пшенично, падѣ на землю не умретъ, то едино пребываетъ, аще же умретъ много плодъ сотворитъ“*. (Іоан. 12, 24).

Во второмъ часу пополудни прибылъ въ эту церковь преосв. Тихонъ, епископъ Можайскій, и совершилъ паннихиду въ сослуженіи оо. архимандритовъ: Антонія, Климента, Генна-

дія и многихъ іеромонаховъ и священниковъ, послѣ чего гробъ былъ вынесенъ изъ церкви, поставленъ подъ балдахинъ на колесницу и печальная процессія двинулась къ вокзалу Московско-Ярославской желѣзной дороги. За хоругвями и иконами, при стройномъ пѣніи громаднаго семинарскаго хора, всю дорогу шествовали во главѣ духовенства оо. ректоры М. академіи и семинаріи, архимандриты Антоній и Климентъ. На колесницѣ стояли въ стихаряхъ четыре воспитанника семинаріи, по два съ каждой стороны гроба. Масса народа сопровождала процессію до самаго вокзала. Съ четырехъ часовымъ поѣздомъ тѣло архим. Григорія отправлено было для отпѣванія и погребенія въ Троицкую Сергіеву лавру.— Ко времени прихода этого поѣзда въ Сергіевъ посадъ, на желѣзнодорожной платформѣ собралось все академическое духовенство въ облаченіяхъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, съ хоругвями и св. иконами, а также всѣ профессора, должностныя лица и студенты академіи и множество жителей посада. Когда поѣздъ подошелъ къ платформѣ и о. ректоръ академіи, выйдя изъ вагона, облачился, совершена была литія, студенты подняли на руки гробъ и, при печальномъ перезвонѣ колоколовъ лавры и приходской Пятницкой церкви, шествіе двинулось по направленію къ монастырю. Во все время пути студенческой хоръ исполнялъ ирмосы великаго канона, о. ректоръ шелъ во главѣ многочисленнаго академическаго духовенства, а профессора, студенты и народъ сопровождали гробъ тѣсною толпою. По прибытіи въ академическую церковь, надъ гробомъ почившаго о. ректоромъ академіи и членомъ лаврскаго учрежденнаго собора архим. Рафаиломъ совершена была соборне большая торжественная панихида, а затѣмъ, въ 9 час. вечера, заукойная всенощная.— Отпѣваніе и погребеніе о. Григорія состоялось въ субботу 20-го ноября. Заукойную литургію въ этотъ день совершалъ соборне о. ректоръ академіи, а на отпѣваніи къ многочисленному сонму духовенства присоединился и о. арх. Рафаиль. За литургіей доцентъ академіи С. С. Глаголевъ произнесъ слѣдующее слово:

„Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа!

Однажды изъ воротъ маленькаго палестинскаго города Наина выходила погребальная процессія. Мать вдова про-

вожала своего единственнаго умершаго сына въ послѣднее жилище и за нею слѣдовало много народа. Это было тогда, когда Господь Иисусъ Христосъ жилъ на землѣ, и случилось, что въ это самое время Онъ приближался ко вратамъ Наина. Увидѣвъ осиротѣлую мать, Господь, говоритъ священный писатель, „сжалился надъ нею и сказалъ ей: не плачь. И подошедъ, прикоснулся къ одру; неспіе остановились, и Онъ сказалъ: юноша! тебѣ говорю, встань. Мертвый, поднявшись, сѣлъ и сталъ говорить; и отдалъ его Иисусъ матери его“ (Ев. Луки 7, 13 — 15). Братіе! предъ нами тоже юноша, лежащій во гробѣ. Правда, его давно не только устами, но и сердцемъ мы называли отцомъ, но я осмѣливаюсь назвать его юношей, потому что онъ таковъ по возрасту: ему лишь 26 лѣтъ. Самые младшіе изъ его учениковъ и воспитанниковъ едвали моложе его болѣе, чѣмъ на 7 лѣтъ. Не кажется ли Вамъ, братіе, что съ человѣческой точки зрѣнія представляется несравненно больше основаній возвратить къ жизни этого дорогаго намъ и провожаемаго нами теперь въ могилу почившаго, чѣмъ скромнаго безвѣстнаго жителя Наина? Послѣдній былъ нуженъ для того, чтобы служить своей матери и обезпечивать ея жизнь. Многочисленная толпа, которая вмѣстѣ съ его матерью слѣдовала за его гробомъ, безъ сомнѣнія не отказала бы въ кускѣ хлѣба этой послѣдней. Но тотъ, который теперь бездыханный лежитъ предъ нами, нуженъ былъ многимъ. Онъ служилъ утвержденію истинной вѣры и любви въ человѣчествѣ. Конечно, этому стараются служить всѣ честные люди, но онъ служилъ и не съ такимъ рвеніемъ и не съ такимъ успѣхомъ, какъ большинство. Онъ отдалъ свою жизнь своему служенію, онъ далъ обѣтъ отреченія отъ тѣхъ радостей, которыя даетъ міръ, которыя даетъ семейное счастье, — говоря языкомъ Евангелія — онъ погубилъ душу свою, чтобы спасти многія иныя души. И плодотворность его служенія является замѣчательной и поучительной. Онъ едва лишь 2 года покинувшій школьную скамью и находящійся и теперь въ такомъ возрастѣ, въ какомъ многіе еще пребываютъ на ней, вызвалъ къ себѣ въ тѣхъ лицахъ, изъ среды которыхъ вышелъ такъ недавно, нелицемѣрныя и глубокія любовь и уваженіе. Его воспитанники и ученики уважали и любили его. Объ этомъ

свидѣтельствую не я, свидѣтельствуютъ даже не ихъ слова, а—и это самое лучшее свидѣтельство — свидѣтельствуютъ ихъ дѣла. Ихъ скорбь о томъ, что онъ покидаетъ академію, когда состояніе его здоровья побудило его перенести мѣсто своей дѣятельности на югъ, была и слишкомъ явною и слишкомъ глубокою. И ихъ любовь къ нему вопіяла громко. А эти любовь и уваженіе, конечно, давали ему возможность сильно вліять на нихъ и конечно вліять благотворно, ибо что кромѣ благаго и добраго могъ онъ внушить другимъ, онъ, самъ всецѣло предавшійся служенію добру. Но не на однихъ его воспитанниковъ простиралось его вліяніе. Оно шло и выше и шире. Я не могу и не имѣю права говорить о другихъ, скажу лишь о себѣ. Я, старшій его по возрасту и младшій по силамъ и положенію сотрудникъ въ этой высшей школѣ, научился отъ него многому и получалъ отъ него многія назиданія. Онъ, который такъ мало жилъ, умѣлъ глубоко понимать и глубоко любилъ людей. Въ частныхъ бесѣдахъ со мною онъ не рѣдко высказывалъ мнѣ поражавшіе меня взгляды на смыслъ дѣйствій тѣхъ или иныхъ лицъ и умѣлъ необыкновенно основательно отстоять правильность этихъ взглядовъ. А сущность ихъ заключалась въ томъ, что за всѣми движеніями трусости, эгоизма, мелочнаго тщеславія и самолюбія различныхъ лицъ онъ стремился отыскивать въ глубинѣ ихъ сердець добрыя искры, которыя при умѣнши и любви можно бы было возжечь и воспламенить. И я уходилъ отъ него болѣе бодрымъ и болѣе любящимъ людей, чѣмъ прежде.

Между тѣмъ эти бесѣды — столь полезныя для меня и подобныя которымъ онъ велъ, конечно, не съ однимъ мною — всегда отрывали его отъ его сложныхъ и многообразныхъ занятій. Онъ былъ пастыремъ, его, не смотря на его юность, уже начинали называть ученымъ богословомъ, онъ былъ наставникомъ и воспитателемъ юношества. Онъ былъ пастыремъ. Какимъ? На это мы имѣемъ свидѣтельство. Добрыя русскія сердца со скорбію и слезами встрѣтили вѣсть объ оставленіи имъ св. Троице Сергіевой Лавры. Поднося ему икону, слушатели его собесѣдованій отъ всего сердца высказывали ему свою горячую благодарность за то, что онъ назидаль ихъ, и вмѣстѣ говорили ему о томъ, какъ тяжело имъ было расставаться съ нимъ. И отдѣльные лица

съ тѣми же чувствами дѣлали ему подобныя подношенія. И эти знаки любви и умиляли и ободряли его и побуждали къ тому, чтобы становиться болѣе и болѣе совершеннымъ и достойнымъ любви. Его уже начинали называть ученымъ богословомъ. Еще студентомъ онъ выступилъ въ печати съ словами вѣры и любви и продолжалъ служить этому дѣлу до дня своей кончины. Нѣкоторыя работы его, можетъ быть, еще будутъ напечатаны. О тѣхъ трудахъ, которые онъ опубликовалъ, похвальный отзывъ дали такіе компетентные судьи, послѣ которыхъ мой голосъ не имѣетъ значенія. Онъ былъ учителемъ юношества. Какимъ? На это опять мы имѣемъ свидѣтельство. У него было слишкомъ мало времени для занятій дѣломъ преподаванія своей науки, но онъ однако не только самъ успѣлъ полюбить ее, но и въ другихъ сѣумѣлъ возбудить къ ней любовь. Многіе студенты выражали ему свою готовность и желаніе спеціально работать подъ его руководствомъ по его наукѣ и изученію и изслѣдованію вопросовъ этой науки посвятить всецѣло послѣдній годъ своего пребыванія въ Академіи. Онъ былъ воспитателемъ юношества, и тѣ, которыхъ онъ воспитывалъ, поднесли ему крестъ съ надписью: „своему дорогому инспектору“. Молодость никогда не бываетъ неискренней въ своихъ приношеніяхъ и потому на долю воспитателей подобныя приношенія выпадаютъ рѣдко, нужно проявить въ себѣ слишкомъ много всепрощающей любви, чтобы заслужить ихъ.

Являясь столь многополезнымъ труженикомъ въ столь разнообразныхъ областяхъ, онъ работалъ — замѣтите при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Недугъ, который теперь свелъ его въ могилу, мучилъ его всѣ эти два года. И мучилъ буквально. Есть болѣзни, отъ которыхъ умираютъ медленно и безъ особыхъ страданій. Страдая подобною болѣзнію, можно успѣть сдѣлать много. Его болѣзнь была не такова: она не только постепенно истощала его силы, но часто и лишала его возможности работать, бросая его совершенно обезсиленнаго на ложе болѣзни. И онъ однако работалъ и дѣлалъ несравненно больше, чѣмъ сколько дѣлали и дѣлаютъ многіе изъ насъ здоровыхъ людей (я разумѣю прежде всего самого себя). Но кромѣ физическихъ страданій его мучили еще и нравственныя. Онъ былъ на-

значенъ на отвѣтственный постъ инспектора Академіи еще очень молодымъ. Естественно, что многие относились къ нему подозрительно и недовѣрчиво, сомнѣваясь, чтобы онъ могъ должнымъ образомъ выполнять возложенныя на него трудныя обязанности. Объ этихъ сомнѣніяхъ и недовѣріи онъ зналъ, и эти сомнѣнія сильно волновали и безпокоили его, волновали особенно, потому что онъ былъ боленъ. И вотъ, слыша голоса недовѣрія, чувствуя мучительную физическую боль, онъ работалъ такъ много и такъ плодотворно. Подобно евангельскому рабу, получившему 5 талантовъ, онъ не зарылъ ихъ въ землю, а обратилъ въ дѣло съ великою пользою.

Но его самого мы теперь должны зарыть въ землю. Братіе! Безъ сомнѣнія Вамъ, какъ и мнѣ, предносится вопросъ: зачѣмъ, почему это? Если нѣкогда сынъ наинской вдовы былъ возвращенъ къ жизни ради слезъ матери, то почему сей не сохраненъ для жизни ради слезъ многихъ? И у него есть родственницы и родственники, которые горячо любили и горько оплакиваютъ его, но кромѣ нихъ у него было много чадъ по духу, которыя много получали отъ его знаній и отъ его любви. Сколько бы пользы онъ принесъ людямъ, если бы прожилъ долго! Вѣдь, долгота его жизни равняется только $\frac{1}{3}$ ея естественной долготы. Зачѣмъ онъ умеръ такъ рано? Зачѣмъ закрылись эти добрые, ясные, проницательные глаза, зачѣмъ перестало биться это пылавшее такою горячею любовью къ людямъ, сердце? Зачѣмъ? Братіе! Не намъ судить пути Всевышняго. „Кто разумѣ умъ Господень; или кто совѣтникъ ему бысть“ (Посл. къ Римл. 11, 34). Таинственные пути промысла для насъ въ большей части непостижимы. Будемъ подчиняться имъ со смиреніемъ. Одинъ изъ лучшихъ между нами отнять отъ насъ. Это — ударъ. Будемъ скорбѣть и молиться.

Теперь въ эти печальныя, тяжелыя минуты я не могу найти никакого слова утѣшенія, съ которымъ могъ бы обратиться или къ своему собственному смущенному духу или къ сердцу другихъ. Найти что-либо утѣшительное въ смерти почившаго нельзя. Она послана ему для наказанія насъ, она причиняетъ намъ скорбь, и умножаетъ и усиливаетъ наши обязанности. Мы всѣ, какъ и почившій, — хотя и различнымъ образомъ и въ различныхъ положеніяхъ —

служимъ дѣлу утверженія и распространенія истинной вѣры. Одного изъ добрыхъ служителей этого дѣла не стало, но дѣло не уменьшилось, значить, обязанности каждаго изъ насъ увеличились. Вотъ, почему въ смерти почившаго мнѣ слышится свыше обращенный призывъ къ усиленнѣйшему и ревностнѣйшему труду. Почившій былъ человѣкомъ труда и этотъ трудъ теперь онъ завѣщалъ намъ.

Братіе! будемъ стараться исполнять это завѣщаніе. Молясь объ усопшемъ, будемъ помнить его и его завѣты. А теперь помолимся о немъ, да простятся ему всѣ его вольныя и невольныя прегрѣшенія и да услышитъ онъ голосъ Господа: рабе благій и вѣрный, вниди въ радость Господа твоего“ (Еванг. Матѣ. 25, 21). Помолимся о немъ, помолимся объ отпущеніи и намъ нашихъ прегрѣшеній, ибо постигшая насъ утрата, въ которой нельзя не видѣть Божьяго наказанія, показываетъ намъ, что наши прегрѣшенія не малы. Аминь!

Предъ началомъ отпѣванія произнесена была рѣчь студентомъ IV курса С. Кулюкинымъ. „Прежде чѣмъ подъ сводами этого храма“, говорилъ онъ, „раздастся послѣдній разъ надъ почившимъ печальный возгласъ: „вѣчная память“, прежде чѣмъ каждый изъ насъ отдастъ послѣдній поклонъ этому дорогому гробу, да позволено будетъ сказать хоть нѣсколько словъ въ облегченіе скорбнаго чувства.

Богу было угодно, чтобы этотъ прахъ приняли не холодныя волны моря, не далекая и чуждая, а своя родная академическая земля, и чтобы могила почившаго затерялась не тамъ, подъ знойнымъ небомъ востока въ далекомъ Царьградѣ, а пріютилась бы здѣсь, среди другихъ дорогихъ Академіи могилъ. И краткую разлуку съ нами онъ пережилъ какъ бы для того только, чтобы его страдальческое, любящее сердце испытало всѣ муки и всю боль разлуки съ любимыми. Онъ созданъ былъ академіей, онъ весь принадлежалъ ей, и вотъ—мы хоронимъ его.

Прощай на-вѣки, дорогой почившій! Памятна намъ будетъ твоя кроткая, благородная, любящая душа! Памятно намъ будетъ твое смиреніе, дѣлавшее то, что ты относился къ каждому изъ насъ какъ къ равному, какъ къ другу, какъ къ близкому. Ты никого не хотѣлъ обойти своимъ вниманіемъ, ласкою и любовію. Памятна намъ будетъ твоя

последняя къ намъ, прощальная, какъ бы замогильная рѣчь, вся проникнутая трогательною нѣжностью, высокимъ настроеніемъ, торжественнымъ и удивительнымъ спокойствіемъ въ виду надвигавшейся и предчувствуемой тобою смерти! Въ этой рѣчи сказалась вся твоя глубокая вѣра въ правду, въ людей, въ конечное торжество добра. Эта рѣчь была твоимъ послѣднимъ завѣтомъ, обращеннымъ къ намъ, завѣтомъ, достойнымъ твоей высокой жизни.

На той страницѣ, какая будетъ отведена тебѣ въ исторіи нашей Академіи, если и не будетъ связано съ твоимъ именемъ громкихъ и великихъ дѣлъ внѣшнихъ, то будетъ отмѣчено рукою безпристрастнаго историка, что этотъ человѣкъ былъ рѣдкій идеалистъ. Почившій былъ мечтателемъ, какъ самъ онъ о себѣ сказалъ. Да, мечтателемъ — въ томъ смыслѣ, что онъ не мирился съ суровой дѣйствительностію, стремился провести въ нее великіе завѣты Христа о любви, жилъ, всегда имѣя предъ собою христіанскія упованія. И, о, если бы онъ могъ встать, чтобы видѣть, какова была та духовная нива, на которую онъ бросалъ сѣмена свѣта и любви! Сколько подчинено было его кроткому, благотворному вліанію!

Прощай на-вѣки, дорогой почившій! И вѣрь, и знай, что не разъ еще въ жизни наша благодарная память воскреситъ твой благородный образъ, особенно въ тѣ минуты, когда наши юныя сердца, еще не испытавшія суровыхъ ударовъ житейскаго опыта, встрѣтятся съ неправдой и зломъ въ жизни, когда и къ намъ приблизится вѣчно близкій вопросъ о смерти.

Прощай, и прости насъ, если мы огорчали тебя! Ты будешь живъ въ нашей молитвенной памяти о тебѣ!“

Во время отпѣванія, послѣ пѣсни „со святыми упокой“, сказалъ слѣдующую рѣчь э. орд. профессоръ В. А. Соколовъ:

„Ну вотъ и совершилъ ты свое далекое плаваніе! Страхнулся ты бурь и непокойныхъ волнъ моря Чернаго, а безъ бурь укачали тебя на вѣки волны другаго, — безпощаднаго моря житейскаго. Не Царьградъ сталъ для тебя тихою пристанью, а горній Іерусалимъ, градъ Царя Небснаго!

Всего лишь дня три тому назадъ, ты съ великою грустію покидалъ свою родную академію, но, нѣтъ, тебѣ не

суждено было ее покинуть! Вотъ ты опять среди насъ, снова въ своей любимой и любящей тебя академической семьѣ! Благолѣпно и торжественно было твое неожиданно-скорое къ намъ возвращеніе; но, увь, не такимъ-бы мы желали видѣть его, не съ такими пѣснями хотѣлось-бы намъ снова встрѣчать тебя.

Ты былъ любимымъ питомцемъ нашей академіи. Старательно воспитала она тебя; нѣжно позаботилась о томъ, чтобы и по окончаніи учебнаго курса не разлучаться съ тобою; съ искреннимъ расположеніемъ пригрѣла и пріютила она тебя, указавъ тебѣ жизненный путь наставника и воспитателя своихъ юныхъ чадъ; всеобщю любовью окружала тебя всегда въ немногіе годы твоего академическаго служенія—можно сказать, радовалась на тебя, любила тебя, съ увѣренностію возлагала на тебя свои надежды.

И не суетны были эти надежды; но по всему было видно, что ты вполнѣ оправдалъ-бы ихъ. Не много лѣтъ жизни судилъ тебѣ Господь, но и въ эти краткіе годы ты успѣлъ потрудиться такъ, что оставилъ по себѣ неизгладимую память. Успѣлъ ты поработать для науки, съ честію совершивъ свой прекрасный ученый трудъ и до послѣднихъ дней, при всѣхъ своихъ трудахъ и болѣзняхъ, не покидая занятій въ духовной литературѣ. Успѣлъ ты много,—много потрудиться въ высококомъ подвигѣ своего нравственнаго усовершенствованія. Юный инокъ, ты такъ сумѣлъ овладѣть собою, такъ прекрасно направилъ свои искренніе горячіе порывы юности, что и въ иноческомъ чинѣ они были наилучшимъ украшеніемъ твоего нравственнаго образа. На первыхъ-же строкахъ той самой книжки твоей, которую ты подарилъ мнѣ на прощанье всего лишь немного дней тому назадъ, прочелъ я нѣсколько свято-отеческихъ изреченій. „Блаженъ инокъ“, написано тамъ, „который на содѣваніе спасенія и преспѣваніе всѣхъ взираетъ, какъ на свое собственное“. „Монахъ тотъ, кто отъ всѣхъ отдѣляясь, со всѣми состоитъ въ единеніи“. Не напрасно, думается мнѣ, во главѣ своей книжки поставилъ ты эти слова. Я вижу въ нихъ твою исповѣдь, твой завѣтъ, вижу въ нихъ—тебя самого! Такимъ именно монахомъ хотѣлъ быть и былъ ты самъ, съ горячимъ самоотверженіемъ влагая

всю свою душу въ святое дѣло содѣйствія преуспѣянію и спасенію другихъ. Всѣ мы знаемъ и помнимъ, какъ въ этомъ Божьемъ храмѣ, не щадя своихъ слабыхъ силъ, совершалъ ты свой иноческій подвигъ и благолѣпнымъ служеніемъ, и спасительными бесѣдами, и руководительствомъ въ священныхъ нѣснопніяхъ. Величественный примѣръ Первоверховнаго Апостола, благовѣстническіе труды котораго изучалъ ты цѣлыя годы, вдохновилъ и тебя потрудиться, по мѣрѣ силъ, въ подвигъ апостольства среди ближнихъ своихъ. Искра Божія виднѣлась въ твоихъ трудахъ; и не бесплодно было твое духовное сѣяніе, если все большія и большія толпы народа стекались въ этотъ храмъ, если слезы и рыданія раздавались недавно въ немъ при прощаніи съ тобою и если теперь, наконецъ, еще больше слезъ, еще больше рыданій слышимъ мы при твоёмъ гробѣ.

Но не о тебѣ плачемъ мы; не тебя жалѣемъ! За тебя можно только радоваться! Не въ дальней сторонѣ нашель ты собѣ послѣдній на землѣ пріютъ, а вблизи своей родной академіи, среди тѣхъ самыхъ дорогихъ могилъ, надъ украшеніемъ которыхъ ты самъ съ такою нѣжною любовью трудился такъ недавно. Не чужіе, а близкіе и любящіе тебя люди тѣсною толпою окружаютъ твой гробъ и будутъ молиться всегда надъ твоею могилой. Блаженъ путь, вонже идиши дресь! Объятія Отца, къ которымъ прибѣгалъ ты, принимая иноческій чинъ, теперь отверсты для тебя. Добрыя дѣла твои идутъ вслѣдъ за тобою, горячія молитвы любящихъ оиміамомъ несутся за тебя къ престолу Всевышняго и, какъ чистый сердцемъ, уповаемъ, ты узришь Бога!

Мы плачемъ о себѣ; горюемъ о своихъ несбывшихся надеждахъ; плачемъ о тѣхъ, кто потерялъ въ тебѣ любящаго, неусыпнаго наставника и руководителя; жалѣемъ свой грѣшный міръ, гдѣ стало меньше еще однимъ добрымъ, искренно-вѣрующимъ труженикомъ, который сталъ-бы, какъ намъ думается, однимъ изъ яркихъ свѣтильниковъ церкви православной. — Пусть-же твой добрый примѣръ, святой твой подвигъ, какъ-бы ни былъ онъ кратковременнымъ, послужитъ для всѣхъ насъ назиданіемъ и урокомъ беззавѣтной преданности святому дѣлу! Пусть и въ насъ пробудитъ онъ искру Божію!

Покидая насъ еще при жизни, ты усердно звалъ насъ

въ тотъ Царьградъ, гдѣ думалъ найти себѣ жизненный пріютъ. О, если-бы послѣдовать намъ другому твоему призыву, съ которымъ ты постоянно обращался ко всѣмъ въ этомъ святомъ храмѣ! О, если-бы судилъ намъ Господь послѣдовать за тобою въ горній Іерусалимъ,—въ градъ Царя Небеснаго!“

Во время отпѣванія произнесены были еще двѣ рѣчи студентами втораго курса: Н. Покровскимъ и И. Рѣчкинымъ.

„Содрогается сердце наше, братіе“, говорилъ первый изъ нихъ, смущенъ умъ и цѣпенѣтъ духъ, при видѣ сего гроба. Ничто такъ не потрясаетъ насъ, ничто такъ духовно не придавливаетъ, не повергаетъ въ безпомощное состояніе нѣмого ужаса или горестнаго удивленія, какъ преждевременная и внезапная смерть близкихъ нашихъ. Мы не можемъ помириться съ утратой дорогого наставника, положительно не вѣримъ и не хотимъ вѣрить въ возможность такой скорой смерти его: „ужь не сонъ-ли это,—спрашиваемъ мы себя,—не тяжелый ли бредъ?“. Но ужасная дѣйствительность воочію говоритъ намъ о себѣ: два дня слухъ не преставала оглашать печальная вѣсть, и глаза, наконецъ, узрѣли страшный гробъ. И затрепетало сердце, и повѣялъ въ душу мертвящій холодъ, и исполнилось оно скорбнымъ сознаніемъ горестной разлуки, и готово источиться въ слезахъ. И какъ быстро все перемѣнилось. Вотъ какъ будтобы вчера дорогой усопшій стоялъ здѣсь съ нами, и его теплыя, задушевные слова ласкали слухъ нашъ: „дорогіе друзья мои! Я горячо люблю васъ; но не скрою отъ васъ, что тяжелый недугъ терзаетъ меня, и онъ-то разрываетъ связь нашу, заставляя меня ѣхать въ далекую страну“.. Въ насъ не успѣли еще остыть чувства сей дружеской разлуки, не успѣло сгладиться впечатлѣніе отъ нея, какъ на смѣну имъ явились новыя болѣе тяжелыя чувства, ображеніе заняла другая болѣе потрясающая картина: картину разлуки смѣнила картина смерти; и перемѣна эта тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ она быстрѣе.

Приникнемъ, братіе, взоромъ ближе къ сему гробу,—не научить ли онъ разгадать тайну бытія нашего: можетъ быть, онъ насколько поразителенъ для насъ, настолько же и поучителенъ. Предъ нами посѣчена молодая жизнь, неуспѣвшая еще оцвѣсти и принести плодъ свой, разбиты

богатыя мечты, низвергнуты надежды; и мы съ недоумѣніемъ спрашиваемъ: „что сіе есть, еже о насъ таинство“, Что жизнь наша? Ужъ не жалкая ли она насмѣшка, не поруганіе ли надъ идеалами нашими? Лишь только мы захотимъ жить, жизнь убѣгаетъ отъ насъ, какъ обманчивый призракъ. Великій Боже! Неужели ты судилъ многимъ изъ насъ только благіе порывы и не хочешь дать насладиться плодами ихъ? Неужели послѣдніе излишни? Неужели довольно сего, чтобы быть достойнымъ сыномъ царствія твоего? Неужели только немногимъ избраннымъ, пріобрѣтшимъ даръ любви, Ты судилъ долго служить близкимъ своимъ, а прочимъ тотчасъ же берешь къ Себѣ, лишь только они овладѣютъ симъ многоцѣннымъ даромъ? Если такъ, если таковы пути Твои о насъ, мы съ покорнымъ чувствомъ готовы подчиниться десницѣ Твоей и съ разрѣшеннымъ недоумѣніемъ отойдемъ отъ гроба сего; если такъ, то буди благословенно имя Твое! Вспомните, братіе, о другихъ молодыхъ усопшихъ друзьяхъ нашихъ. Не по тому же ли закону отошла ко Господу большая часть изъ нихъ, какъ и лежащій предъ нами новопочившій? Какъ отчасти въ тѣхъ, такъ особенно въ послѣднемъ мы видимъ зрѣлые колосья на нивѣ Господней; и Господь послалъ жателей своихъ, и они собрали ихъ въ житницу Господню. Такъ рѣдѣютъ, братіе, ряды земнаго воинства нашего, и рѣдѣютъ такъ бѣдственно для насъ: какъ нарочно, падаютъ лучшіе воины и предстоятели наши. Не прямое ли отсюда побужденіе намъ остающимся крѣпче держаться за оружіе истины и любви Христовой и тѣснѣе сплочиваться въ жизненной борьбѣ со зломъ и ложью. И не видимъ ли мы отсюда мудрое водительство десницы Божіей, упокоивающей и увѣнчивающей лаврами болѣе лучшихъ и крѣпкихъ воиновъ на полѣ брани нашей и вразумляющей и укрѣпляющей болѣе слабыхъ. Не для того ли уже, между прочимъ, берутся отъ насъ первые, чтобы сравнялись съ ними вторые!...

Посмотрите, братіе, еще на гробъ сей и найдите еще назиданіе здѣсь. Спросите безпристрастно самихъ себя или—лучше—вспомните, какія мысли особенно отчетливо всплыли въ сознаниі нашемъ, когда мы впервые услышали о новопочившемъ. За чувствомъ горестнаго удивленія не встала

ли въ сознаниі неотвязчиво грозная мысль о возможности такой же превратности и съ каждымъ изъ насъ? Не говорить ли убѣдительно гробъ сей, что смерть за плечами каждаго изъ насъ? Можетъ ли послѣ того кто-нибудь навѣрно сказать, что „въ слѣдующую ночь душа его не истяжется отъ него“? Нѣтъ ничего, менѣе устойчиваго, чѣмъ жизнь человѣка; жизнь полевой былинки—и та, повидимому, болѣе устойчива и надежна: тысячи смертей жадно ждутъ насъ, какъ желанной жертвы, на каждомъ шагу нашемъ. И насколько же мы послѣ того слѣпы, насколько самонадѣянны, что пренебрегаемъ сей обыденной истиной и забываемъ ее! Мысль о смерти, не смотря на постоянныя напоминанія о ней, изгоняется людьми изъ ихъ сознаниа прочь, какъ что-то некасающееся ихъ. Мы почему-то думаемъ, что умирать могутъ кто-то другіе, но не мы;—нашъ жребій—жить и жить и... только; далѣе мысль идти не хочетъ. И согласно съ такимъ ложнымъ настроеніемъ идетъ наша жизнь. Но развѣ на нивѣ посѣкаются только зрѣлые колосья? Развѣ жертвой преждевременной и внезапной смерти бываютъ только лучшіе изъ насъ, смыслъ кончины которыхъ намъ нѣсколько понятенъ? Не видимъ ли мы также, что смерть похищаетъ и „людей міра сего“, заставляя ихъ въ расцлохъ привязанными къ благамъ земнымъ, и эти люди, такимъ образомъ, входятъ въ чертогъ небснаго жспиха, повидимому не въ брачной одеждѣ. Что связать о послѣднихъ? Какой смыслъ смерти ихъ? Пути Господни о насъ разнообразны. И если о нѣкоторыхъ мы можемъ утѣшительно для себя гадать, то большая часть изъ нихъ „*неисследовани и неиспытани*“, ибо „*кто уразумъ путь Господень*“. Страшимся братіе, неприготовленные къ смерти, „*впастъ въ руцъ Бога Живаго!*“... Обратимся-ка къ совѣсти своей и дадимъ безпристрастный отчетъ жизни своей. Найдемъ-ли въ себѣ тотъ даръ, для котораго только и живемъ? Усугублены ли таланты, которые даны намъ Господомъ? Тяжело давать отчетъ сей: только немногіе изъ насъ на этотъ вопросъ жизни могутъ найти успокоительный отвѣтъ въ себѣ; большая же часть законала и скрыла въ суетѣ жизни таланты свои. У кого былъ одинъ, тотъ съ ожесточеніемъ отвергнуть, у кого было два или пять, тѣ употреблены на незаконный оборотъ. Всякому не новость, что

болѣе даровитые изъ насъ нерѣдко порабощаютъ ихъ служенію на снисканіе выгодъ земныхъ, а не на назиданіе себя о Господѣ, не на возгрѣваніе въ себѣ духа любви,—этого великаго дара, *„единого на потребу“*. Здѣсь мы должны, не обинуясь, указать на усопшаго, какъ на поучительный примѣръ для себя, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ отдать ему должную дань признательности своей и уваженія. Знаемъ мы его немного,—какихъ-нибудь два-три года, но много видимъ назидательнаго для себя. Вспомнимъ, что онъ говорилъ намъ въ тѣ первые дни, когда взялъ на себя тяжелое бремя начальника и руководителя нашего. „Друзья мои—твердо помнятся намъ эти слова—пришелъ я къ вамъ съ любовію своей; въ любви къ вамъ я полагаю цѣль дѣятельности своей; взаимная любовь да соединитъ насъ“... И онъ вѣрнѣе остался слову своему,—приобрѣтенные и развитые въ духовной школѣ таланты свои всецѣло посвятилъ на возгрѣваніе любви сей. Вспомните, что любовь эта всегда сіяла во взорѣ его, ласковое, теплое слово любви, къ кому бы ни обращался онъ, никогда не покидало устъ его; всѣ нужды наши находили въ немъ горячаго участника и дѣятельнаго помощника. Что еще говорить о томъ, когда мы всѣ знаемъ это! Въ послѣдніе дни его сломилъ жестокой недугъ, но сломилъ его хрупкое тѣло, а не ослабилъ любви. Кто въ эти горестные дни имѣлъ общеніе съ нимъ, тотъ знаетъ, что любвеобильный о. Григорій оставался такимъ же, какимъ и былъ прежде. Въ любовномъ общеніи съ дорогими для сердца своего онъ забывалъ недугъ свой; любовь была стихіей усопшаго, въ которой онъ отдыхалъ, утомляемый болѣзнію своей. И эту любовь онъ самъ торжественно въ минуту разлуки засвидѣтельствовалъ передъ нами: „я ухожу отъ васъ,—сказалъ онъ—но ухожу не съ пустыми руками: я приобрѣлъ здѣсь великій даръ,—даръ любви; и воспоминаніе о жизни съ вами будетъ блестящей звѣздой на горизонтѣ жизни моей“. И вотъ кончилась эта жизнь, кончилась славно, *„единое на потребу“* приобрѣтено ею. Хорошо конецъ такой жизни, не страшно предстать предъ очи любвеобильнаго Господа. *„Блаженіи мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ за ними“*. Блаженъ ты незабвенный

наставникъ, и „блаженъ путь твой, въ онъ же идиши“: ты стяжалъ уже то, что для насъ лишь далекое желаніе. „Вниди же въ радость Господа твоего“. Аминь.

Другой студентъ—ораторъ говорилъ: „Не для празднаго любопытства, братіе, въ послѣдній разъ собралъ насъ вокругъ себя нашъ учитель и молитвенникъ. Нѣтъ мѣста праздному любопытству тамъ, гдѣ предъ нашими глазами совершается великая тайна человѣческой жизни. Остановись каждый своими взорами на этомъ гробѣ и задумайся: все, что увидишь предъ своими глазами, достойно того, чтобы надъ этимъ задуматься. Вѣдь эта смерть со всѣми своими ужасами и есть то невидимое основаніе, на которомъ сознательно или безсознательно складывается вся духовная жизнь человѣка; вѣдь этотъ гробъ съ лежащими въ немъ бранными останками человѣка и есть тотъ камень, о который разбилась и еще разобьется жизнь многихъ и многихъ человѣческихъ душъ, и на которомъ, съ другой стороны, можетъ окрѣпнуть и возсіять всѣмъ своимъ величіемъ всякая душа христіанская. Не роковой ли вопросъ о смерти преслѣдуетъ человѣка на всемъ его жизненномъ пути, не этотъ ли страшный для него вопросъ служить источникомъ всѣхъ его душевныхъ страданій. Знаетъ каждый изъ насъ, хорошо знаетъ, что рано пли поздно онъ кончить смертью, что смерть разрушитъ все, чѣмъ дорога для него эта жизнь; и вотъ, не достигши еще той духовной зрѣлости, для которой смерть уже представляется естественнымъ и благимъ дѣломъ Бога, онъ хотя на время желаетъ удалить отъ себя эту ужасную мысль, мѣшающую ему жить столь сродною его грѣховной природѣ стихійною жизнью. Но увы! обольщеніе долго продолжаться не можетъ. Первый же болѣзненный припадокъ, первый ударъ жизни ставитъ предъ его сознаниемъ ужасный вопросъ о смерти. И благо тѣмъ, которые чаще и чаще начинаютъ задумываться надъ этимъ вопросомъ: они поймутъ наконецъ его истинный смыслъ; но горе тѣмъ, кто удаляетъ отъ себя мысль о смерти какъ страшный призракъ: рано или поздно, если не въ жизни, то на одрѣ смертномъ мысль эта во всемъ своемъ величій предстанетъ предъ ихъ сознаниемъ, обличить суетность ихъ жизни, и тогда они испытають ту страшную душевную муку, которую такъ хорошо понялъ и художе-

ственно выразилъ нашъ современный писатель. Да, братіе, всѣ мы болѣе или менѣе боимся мысли о смерти, одна мысль о смерти, кажется намъ, можетъ разрушить все наше счастье, одинъ взглядъ на гробъ можетъ отравить всѣ наши радости.

Ахъ, возлюбленные, не для того стоитъ среди насъ этотъ гробъ, чтобы страшить насъ мыслью о смерти, чтобы разрушить наше земное счастье; нѣтъ, стоитъ лишь смотрѣть на него христіански—просвѣтленными очами и онъ можетъ насъ помирить съ этою ужасною мыслью, можетъ научить насъ любить жизнь въ ея высшемъ значеніи. И если это можно сказать вообще о всякомъ гробѣ, то особенно это нужно сказать объ этомъ стоящемъ среди насъ гробѣ съ брѣнными останками дорогаго нашего учителя.

Да, братіе, вотъ чѣмъ кончается человѣкъ на землѣ. Надъ каждымъ неизмѣнно совершается глаголъ Божій: „земля еси и въ землю отыдеши“. Предъ нами человѣкъ, котораго еще такъ недавно мы знали въ силѣ, красотѣ и славѣ. Но гдѣ сила, мы видимъ одно ничтожество, гдѣ красота: предъ нами одно безобразіе, гдѣ слава: мы видимъ ужасное безславіе. Все, все, чѣмъ живеть и гордится естественный человѣкъ, все это уничтожила ужасная смерть, все кончено для естественнаго человѣка со смертью тѣла: ему уже нечѣмъ болѣе жить. Но не все, возлюбленные, кончается со смертью для христіанина. Забудь на мгновение каждый себя и окинь своимъ взоромъ эту многочисленную толпу: ужели одно любопытство привлекло ее къ этому гробу. Ахъ, нѣтъ! далеко нѣтъ! Кто внимательно присматривался къ этой толпѣ, тотъ видѣлъ, какими искренними слезами многіе оплакивали эту смерть. Видно, что узы соединявшія насъ съ нимъ, не порвались со смертью. Видно, что они сильнѣе смерти. Узы эти—христіанская любовь, которою умѣлъ полюбить все и всѣхъ покойный, и которая собрала насъ теперь къ этому гробу. Еще прошлый годъ, пріѣхавъ послѣ болѣзни изъ Крыма, о. Григорій въ сердечной бесѣдѣ съ нами между прочимъ сказалъ, что „монаху жить для себя — значитъ прямо умереть“. И весь этотъ годъ былъ для него временемъ самой лихорадочной дѣятельности. Покойный вѣрно предчувствовалъ, что не долго ему жить здѣсь, что временемъ нужно дорожить, что нужно какъ можно скорѣе уко-

рентъ въ своей душѣ христіанскую любовь—этотъ залогъ истинной жизни. Эта-то любовь, братіе, и есть та сила, которая миритъ человѣка съ мыслью о смерти. Кто твердо ногою сталъ на путь самоотверженной христіанской любви, тотъ уже сталъ выше страха предъ смертью, тотъ съумѣетъ въ самой смерти усмотрѣть залогъ истиннаго блаженства, у того мысль эта не только не отниметъ любви къ этой жизни, а, напротивъ, воспитаетъ и облагородитъ въ немъ эту любовь ко всему земному. Вспомните жизнь покойнаго. Рано, рано, еще въ то время, когда рѣдко кто изъ насъ еще начинаетъ задумываться надъ вопросомъ о смерти, когда мы бываемъ полны надеждъ и жизненныхъ обольщеній, онъ уже смутно чувствовалъ припадки смертной болѣзни, нечего и говорить о послѣднихъ годахъ: страданія этихъ годовъ были сплошнымъ предчувствіемъ смерти. Какъ, повидимому, долженъ онъ былъ тяжело страдать и мучиться при мысли, что эта жизнь со всѣми ея радостями, эта природа съ своими красотою не для него, что онъ чужой среди всѣхъ этихъ наслаждающихся жизнью и природой людей; казалось-бы, что ему остается уйдти въ самого себя, быть равнодушнымъ и даже холоднымъ ко всѣмъ радостямъ и горестямъ жизни. Ничего этого нельзя сказать о почившемъ. Рѣдко кто такъ глубоко и вмѣстѣ нѣжно можетъ любить жизнь, во всей ея полнотѣ, какъ любилъ ее о. Григорій. И эта Лавра, которую онъ постоянно называлъ прекраснѣйшимъ уголкомъ Россіи, и этотъ садъ, въ которомъ теперь приготовлено для него мѣсто покоя вѣчнаго и далекаго Царьградъ, куда онъ былъ назначенъ—все, все любилъ онъ чисто любовью невинной души, на все отзывался съ восхищеніемъ. Кто не помнить, съ какою чисто дѣтскою радостью украшалъ онъ этотъ садъ; но что всего важнѣе, кто не помнить, съ какою любовью онъ относился къ каждому изъ насъ, какъ въ каждомъ хотѣлъ отыскать и поддержать всякую добрую черту. Гдѣ же тотъ источникъ, въ которомъ онъ черпалъ силу любить, нѣжно любить все и всѣхъ даже при мысли о смерти? Источникъ этотъ — его вѣра, ради которой его любовь была христіанскою любовью, которою онъ успѣлъ полюбить жизнь и людей. Въ самой этой любви онъ нашелъ источникъ вѣчной жизни, онъ вѣрилъ и чувствовалъ въ глубинѣ своего существа, что эта

любовь, которою онъ полюбилъ жизнь, та жизнь, которая зародилась въ немъ вмѣстѣ съ этою любовью, не умретъ со смертію тѣла, а напротивъ, тогда только и раскроется во всей силѣ. Таковъ, возлюбленные, завѣтъ покойнаго и каждому изъ насъ.

Бросьте прощальный взоръ на этотъ гробъ, самую своею смертію покойный какъ бы говоритъ намъ: „Друзья! каждый изъ васъ кончить тѣмъ же, чѣмъ и я и, быть можетъ, тогда, когда менѣе всего будетъ этого ожидать, дни наши лукави, какъ бы говоритъ онъ, а потому спѣшите приобрѣсти то, чѣмъ живутъ въ той небесной жизни, спѣшите научиться любить жизнь тою высшею любовью, любовью во Христѣ, которая не умираетъ со смертію тѣла и тогда смерть не будетъ страшна для васъ, тогда въ самой смерти вы съумѣете увидеть залогъ вѣчной блаженной жизни“. Будемъ же свято хранить этотъ дорогой завѣтъ: памятуя, что „дни наши лукави“. А для того, чтобы легче намъ было выполнять этотъ завѣтъ, будемъ чаще какъ у себя дома, такъ особенно на общихъ молитвенныхъ собраніяхъ, которыя учреждены по мысли дорогаго о. Григорія, будемъ чаще вспоминать своего добраго учителя: соединенные одною общою любовью къ своему учителю, одною мыслью объ общемъ завѣщанномъ намъ дѣлѣ, мы незамѣтно будемъ облегчать другъ для друга дѣло христіанской жизни, которая такимъ образомъ мало по малу сдѣлается общимъ дѣломъ, а это будетъ лучшею памятью и лучшею благодарностью нашему незабвенному учителю“.

Наконецъ, при опущеніи гроба въ могилу, сказалъ послѣднюю рѣчь студентъ 2-го курса И. Строевъ: „Придите вси любящіи мя“. Такъ обыкновенно зываетъ, братіе, св. Церковь отъ лица почившихъ чадъ своихъ. Теперь она влагаетъ эти слова въ уста о. Григорія. Не новы они намъ. Мы и ранѣе не разъ слышали подобный же призывъ о. Григорія,—слышали и обыкновенно откликались. Какъ живая встаетъ картина, имѣвшая мѣсто въ нашемъ храмѣ послѣ вечерней молитвы. Это было годъ тому назадъ, когда о. Григорій только что возвратился изъ своей поѣздки для поправленія здоровья. „Друзья мои, говорилъ онъ, будемъ жить по братски. Обращайтесь ко мнѣ всегда и всѣ. Я во всемъ готовъ помогать вамъ. Я много передумалъ и откоро-

венно скажу, что для нашего брата монаха—не жить для другихъ это—прямо смерть“. О. Григорій только что вступалъ тогда на поприще общественной дѣятельности и въ немъ, очевидно, созрѣло твердое рѣшеніе идти по тернистому пути самоотверженнаго служенія ближнимъ. Но, какъ человѣкъ смиренный, онъ смущался и не имѣя увѣренности въ себѣ искалъ себѣ сочувствія и сочувствующихъ. И онъ не обманулся. Довѣріе и чисто братская близость, столь рѣдкія между начальствующими и ихъ подчиненными, были отвѣтомъ на призывъ о. Григорія со стороны любящихъ его.

А вотъ и другой случай. О. Григорій пожелалъ для большаго украшенія академическаго богослуженія ввести общее пѣніе и улучшить наше пѣніе вообще. Намъ всѣмъ извѣстно, какихъ это трудовъ стоило о. Григорію и сколько пропятствій онъ встрѣтилъ тогда. Но о. Григорій не оставилъ добрую мысль, онъ положился на любящихъ его студентовъ, и опять не обманулся. Общее пѣніе существуетъ и теперь и, быть можетъ, долго еще просуществуетъ, какъ памятникъ сердечныхъ отношеній о. Григорія и любящихъ его студентовъ.

Наконецъ, у всѣхъ еще свѣжо воспоминаніе о послѣднемъ обращеніи о. Григорія къ любви студентовъ. Оставляя нашу академію, онъ, какъ честный человѣкъ, захотѣлъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ для своихъ подчиненныхъ. Не найдя какихъ-либо особенно бьющихъ въ глазъ заслугъ, о. Григорій по смиренію своему подумалъ, что онъ и совсѣмъ ничего для насъ не сдѣлалъ,—подумалъ и снова смутился и опечалился. То было тайнымъ и внутреннимъ призывомъ ко всѣмъ любящимъ о. Григорія, чтобы они собрались и утѣшили его. Но любящіе поняли его. Они собрались къ нему и въ самыхъ яркихъ выраженіяхъ своей любви и признательности ясно показали ему, что онъ напрасно смущается, что и онъ не безъ плода служилъ въ академіи. Онъ любилъ студентовъ, а это для нихъ дороже всего.

И вотъ, теперь снова слышится призывъ о. Григорія, снова обращается онъ къ помощи любящихъ его, — обращается въ самый трудный для себя моментъ. Не предъ собою и не предъ своею совѣстію готовится дать онъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Готовится онъ дать его предъ пре-

столомъ Христовымъ, на Его страшномъ и нелицепріятномъ судилищѣ. И неужели же мы не откликнемся ему, неужели не поспѣшимъ съ любовною помощію къ о. Григорію теперь, когда онъ болѣе всего нуждается въ ней? О! нѣтъ, дорогой, другъ и начальникъ! Откликнутся, непременно откликнутся. Откликнемся прежде всего мы, которые такъ недавно еще увѣряли тебя въ любви своей, которые вручили тебѣ даже залогъ этой любви и которые закрѣпили ее неоднократнымъ цѣлованіемъ. Вѣдь не Іудино же то было цѣлованіе!

Откликнутся затѣмъ и всѣ здѣшніе обыватели, которые здѣсь теперь присутствуютъ. Взгляни. Вѣдь здѣсь всѣ тѣ, которые то же не разъ заявляли тебѣ о своей любви, быть можетъ, даже болѣе горячей и болѣе чистой, чѣмъ паша. Это тѣ, которые такъ горячо оплакивали твой отъѣздъ и еще болѣе горячо оплакиваютъ твою кончину, которые даже взглянуть не могутъ на гробъ твой отъ слезъ и печали.

Откликнутся, наконецъ, на твой призывъ тамъ, гдѣ ты, дорогой о. Григорій, при своемъ смиреніи и предположить не могъ. Это тамъ вдали отсюда подъ скромными кровлями сельскихъ пастырей, бѣдныхъ причетниковъ и еще болѣе бѣдныхъ вдовъ—нашихъ отцовъ и матерей. Любящіе тебя и ихъ научили считать тебя другомъ и утѣшителемъ дорогихъ ихъ сердцу сыновей своихъ на далекой чужбинѣ.

Да и какъ не откликнуться, какъ не отвѣтить любовью на зовъ твой, когда ты самъ же, дорогой о. Григорій, воспиталъ ее въ сердцахъ любящихъ тебя. И тѣмъ болѣе поспѣшимъ мы отвѣтить тебѣ своею любовью, что и для насъ самихъ единственное средство не разлучаться съ тобою и утѣшить тебя въ твоемъ теперешнемъ служеніи—это теплая любовь къ тебѣ. И если эта любовь наша хоть сколько нибудь похожа на ту, которая проходитъ небеса, доходитъ до Престола Всевышняго и соединяетъ всѣхъ вѣрующихъ во едино тѣло Церкви Христовой, то тебѣ нечего смущаться. Блаженъ тогда путь, въ онъ же идеши днешь, брате. Ибо мы твердо надѣемся, что уготовися тебѣ мѣсто покоя.

Со дня кончины о. Григорія и доселѣ ректоромъ академіи получаютъ многочисленныя телеграммы и письма съ выраженіемъ скорби о почившемъ и съ извѣщеніемъ о совершаемыхъ въ разныхъ храмахъ моленіяхъ о его вѣчномъ

покоѣ. Въ церкви С.-Петербургской духовной академіи отслужена была торжественная панихида о ректорѣ академіи арх. Борисомъ, близко знавшимъ почившаго. Такія же панихиды совершены во многихъ училищныхъ и семинарскихъ храмахъ его товарищами и учениками. Нѣсколько архипастырей, оберъ-прокуроръ Св. Синода, товарищъ оберъ-прокурора и многіе оо. ректоры семинарій, прислали соболюющія телеграммы и письма. Но всего трогательнѣе было видѣть ту глубокую искреннюю скорбь о потерѣ о. Григорія, которую выражали жители Сергіевскаго посада — усердные посѣтители академическихъ богослуженій и внѣ-богослужебныхъ бесѣдъ. Нѣсколько разъ, и днемъ и вечеромъ, на могилѣ почившаго совершались панихиды въ присутствіи тысячной толпы народа, а 27-го декабря, въ сороковой день по кончинѣ о. Григорія, ректорѣ академіи со всѣмъ сонмомъ академическаго духовенства совершена была торжественная заупокойная литургія и панихида и наканунѣ всенощное бдѣніе при величественномъ общемъ пѣніи всего переполнявшаго храмъ народа.

Вскорѣ по кончинѣ о. Григорія, московская духовная академія понесла и еще одну чувствительную утрату, — скончался одинъ изъ старѣйшихъ ея магистровъ, протоіерей московской Софійской, на набережной, церкви Павелъ Михайловичъ Волхонскій. Правда, покойный о. протоіерей, окончивъ академическій курсъ еще въ 1848-мъ году, съ той поры, къ теченію многихъ лѣтъ своей служебной дѣятельности, не стоялъ въ какой-либо близкой непосредственной связи съ родною академіей, какъ дѣятель духовной науки и просвѣщенія, но онъ былъ дорогъ и близокъ ей, какъ первый почетный членъ учрежденнаго при академіи братства преподобнаго Сергія, для вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ и воспитанникамъ и какъ одинъ изъ самыхъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ этого благотворительнаго учрежденія. При самомъ открытіи братства, П. М. сдѣлалъ ему крупное пожертвованіе въ 1,000 руб. Въ 1882—1883 гг. онъ очень много хлопоталъ объ устройствѣ въ пользу братства духовныхъ концертовъ въ залѣ Московскаго благороднаго собранія и концерты эти доставили братству болѣе 1.600 рублей. Съ самаго открытія братства П. М. состоялъ, по повторявшимся избраніямъ общихъ собраній, членомъ его

совѣта, а съ 1885-го года—товарищемъ предсѣдателя. До конца своей жизни, покойный о. протоіерей близко принималъ къ сердцу интересы братства, съ особенною заботливостію склоняя многихъ знакомыхъ ему московскихъ благодѣтелей къ пожертвованіямъ на нужды студентовъ академіи, и непрерывно доставляя въ братство часто очень значительныя суммы. Пока еще силы о. протоіерея не ослабѣли, онъ каждый годъ неизмѣнно пріѣзжалъ въ академію на общія собранія братства и принималъ личное горячее участіе въ обсужденіи его текущихъ дѣлъ и разныхъ возникавшихъ вопросовъ. Московская академія и многіе ея питомцы, получившіе возможность пройти академической курсъ лишь благодаря помощи братства, навсегда сохраняютъ о почившемъ самое признательное воспоминаніе.

Изъ событій научной жизни академіи за минувшее полугодіе, упомянемъ о магистерскомъ диспутѣ (коллоквиумѣ) И. Т. Назарьевскаго.

Во вторникъ, 12 октября, въ 6 час. вечера, въ нашей академіи состоялся магистерскій диспутъ (коллоквиумъ), уже третій въ только что начавшемся тогда учебномъ году.

Магистрантъ, Ив. Тр. Назарьевскій, сынъ священника Рязанской губерніи, Михайловскаго уѣзда, села Крупниковъ. Получивъ первоначальное свое образованіе въ Касимовскомъ дух. училищѣ, а среднее—въ Рязанской дух. семинаріи, онъ поступилъ въ Московскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1889 г. со степенью кандидата богословія и съ правомъ получить степень магистра, не подвергаясь новымъ устнымъ испытаніямъ. Въ томъ же году опредѣленіемъ Св. Синода онъ былъ уволенъ, согласно его прошенію, изъ духовнаго вѣдомства для поступленія на службу по министерству народнаго просвѣщенія и теперь состоитъ преподавателемъ русскаго языка въ Карачевской учительской семинаріи. — Представленное имъ въ совѣтъ академіи для полученія степени магистра богословія сочиненіе: „Посланіе святаго апостола Павла къ Филиппійцамъ. Опытъ исагогическаго и экзегетическаго изслѣдованія“ (Сергіевъ Посадъ, 1893 г.) есть первый печатный трудъ его.

Въ небольшой рѣчи предъ началомъ диспута магистрантъ повѣдалъ собранію краткую исторію своего труда, объяс-

нилъ планъ и задачу его, указалъ при этомъ и нѣкоторыя основанія для принятой имъ постановки изслѣдованія.

Въ качествѣ официальныхъ оппонентовъ возражали магистранту о. ректоръ академіи архимандритъ Антоній и экстраординарный профессоръ по кафедрѣ греческаго языка И. Н. Корсунскій.—О. ректоръ обратилъ вниманіе прежде всего на ту симпатичную особенность въ трудѣ магистранта, что въ немъ толковательный матеріалъ заимствуется не столько изъ нѣмецкихъ позднѣйшихъ авторовъ, сколько изъ древней свято-отеческой литературы; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказалъ сожалѣніе, что принципъ этихъ заимствованій остался совсѣмъ невыясненнымъ и вслѣдствіе этой безпринципности наборъ толковательнаго матеріала является недостаточно объединеннымъ (нѣкоторые напр. отдѣлы въ книгѣ имѣютъ весьма условное надписаніе: „*продолженіе* увѣщаній...“ Толков. стр. 87).

Тою же безпринципностію объяснилъ о. ректоръ и другой недостатокъ въ сочиненіи, именно: авторъ, въ общемъ гораздо болѣе склонный къ заимствованіямъ изъ свято-отеческихъ толкованій, оказывается иногда подъ излишне-сильнымъ вліяніемъ нѣмецкихъ авторитетовъ. Такъ напр., изъясняя 9 ст. II гл. посл. къ Филиппійцамъ („дарова Ему имя, еже паче всякаго имене“), онъ прилагаетъ излишнія усилія къ тому, чтобы въ точности опредѣлить, какое здѣсь разумѣется *имя*: Сынъ ли Божій, Христосъ ли, Іисусъ ли, Господь ли и т. д., -- и почти совсѣмъ не даетъ многихъ, важныхъ для пониманія этого мѣста, параллелей изъ свящ. Писанія. Между тѣмъ, точное опредѣленіе имени для православныхъ богослововъ довольно безразлично и имѣетъ значеніе лишь для протестантовъ, признающихъ оправданіе одною вѣрою и понимающихъ самую вѣру въ узко-теоретическомъ смыслѣ.

По подражанію тѣмъ же нѣмецкимъ изслѣдователямъ магистрантъ часто вдается въ описанія внѣшнихъ картинъ природы, городовъ и нравовъ, тогда какъ вовсе нельзя съ увѣренностію сказать, занимали ли они собою взоръ и душу ап. Павла; гораздо важнѣе было бы вникнуть въ сущность внутренняго настроенія апостола при написаніи посланія и отмѣтить перемѣны въ этомъ настроеніи сравнительно съ прежнимъ.

Покончивъ съ общою и принципиальною стороною изслѣдованія и высказавъ еще упрекъ магистранту за то, что онъ оставилъ въ своей книгѣ множество греческихъ фразъ и словъ непереверенными и неразъясненными, о. ректоръ перешелъ далѣе къ разсмотрѣнiю нѣкоторыхъ частныхъ мыслей и даже отдѣльныхъ выраженiй.—Такъ, онъ не нашелъ возможнымъ согласиться съ мыслию магистранта, что христіанскія богооткровенныя истины недоступны для пониманія гордому уму (Введ. стр. 2). И самое выраженіе „гордый умъ“ онъ призналъ противорѣчащимъ психологiи и звучащимъ столь же неестественно, какъ напр. выраженія: „гордыя ноги“ или „гордый голосъ“. Вѣдь изъ *сердца* исходятъ помысленія злая...

Также неправильнымъ призналъ онъ и утвержденіе магистранта, что „благодать Божія дается намъ исключительно въ силу искупительныхъ заслугъ Иисуса Христа“; да и самый терминъ: „искупительныя заслуги“, по его мнѣнiю, чисто-лютеранскій. Хотя онъ и принялъ въ научныя системы нашего богословія, но не слѣдуетъ забывать, что всякій условный богословскій терминъ долженъ быть обоснованъ и оправданъ экзегезисомъ, а отнюдь не экзегезисъ долженъ подгоняться подъ условные термины.

Назвавъ затѣмъ данное магистрантомъ объясненіе словъ: „иже во образѣ Божіи сый (Филип. II, 6) очень обстоятельнымъ, онъ высказалъ все-таки сожалѣніе, что авторъ слишкомъ увлекся апологетическою цѣлью (противъ Тюбингенцевъ) и упустилъ изъ виду прекрасную мысль преосв. Теофана о взаимной духовной помощи христіанъ въ дѣлѣ спасенія.

По поводу той мысли магистранта, что „древній Израиль пріобрѣталъ (относительную) святость самостоятельно, чрезъ жизнь по закону,—новый же Израиль получаетъ эту святость даромъ, по благодати во Христѣ“ (Толков. стр. 6), оппонентъ замѣтилъ, во-первыхъ, что въ ветхомъ завѣтѣ святыхъ не было и не могло быть совѣмъ (иначе и Сыну Божію не для чего было бы приходиться на землю), и во-вторыхъ, что въ новомъ завѣтѣ Царствіе Божіе *нудится*, т. е. не даромъ дается, а пріобрѣтается съ усиліями.

Не согласился онъ съ магистрантомъ и въ вопросѣ о „днѣ Иисуса Христа“ (Филип. I, 6). Не второе пришествіе

Христово разумѣется здѣсь, какъ думаетъ магистрантъ (Толков. стр. 12), а вообще такое событіе въ жизни христіанина, когда онъ испытывается отъ Господа, — день скорби и испытанія...

Наконецъ, отмѣтивъ еще нѣсколько неудачныхъ выраженій (напр.: „*приглашаетъ* ко спасенію“), о. ректоръ заключилъ рѣчь свою лестнымъ заявленіемъ о научныхъ достоинствахъ сочиненія и серьезной компетентности мышленія магистранта.

Другой официальный оппонентъ, проф. И. Н. Корсунскій также не преминулъ обратить вниманіе на нѣкоторыя неточныя, нескладныя или не русскія выраженія въ книгѣ магистранта (напр.: апостоль *адресуетъ* свои похвалы“ — Введ. стр. 13; „гордость нравственнымъ совершенствомъ“ — стр. 36), отмѣтилъ затѣмъ мимоходомъ и вкратцѣ неравномѣрность частей ея (двумъ начальнымъ главамъ посланія къ Филиппійцамъ удѣлено вниманія и мѣста несравненно болѣе, нежели двумъ остальнымъ) и потомъ съ большою подробностію остановился на выясненіи того, въ какомъ значеніи употребляются у древнихъ классиковъ, въ книгахъ свящ. Писанія и у отцевъ Церкви—слова: *μορφή* (Филип. II, 6) и *ἔριθειά* (I, 16).

Также продолжительному и обстоятельному разсмотрѣнію былъ подвергнутъ вопросъ о томъ, кто былъ Климентъ, упоминаемый ап. Павломъ въ IV гл. 3 ст. посл. къ Филип. Основываясь на преданіи, сообщаемомъ Оригеномъ, Евсевіемъ и др., профессоръ утверждалъ, что это—извѣстный римскій епископъ; а магистрантъ старался доказать, что это—совершенно иная личность и, вѣроятно же всего, кто-нибудь изъ Филиппійцевъ.

Во всѣхъ своихъ отвѣтахъ на возраженія оппонентовъ магистрантъ проявилъ солидную общую эрудицію и добросовѣстное специальное изученіе избраннаго имъ предмета; потому защита его была признана удовлетворительною и Совѣтъ академіи рѣшилъ ходатайствовать установленнымъ порядкомъ объ утвержденіи его въ степени магистра богословія.

В. Соколовъ.